И. А. Полегаев

Брат братом силён

Почти все мы, Полегаевы, связали свою судьбу с огненной профессией металлурга. Челябинский металлургический для нас как семья. Мои сестры, брат, сыновья, дочери, зятья, племянники и племянницы прошли тут хорошую трудовую закалку. Комбинат стал суровой, но такой необходимой школой жизни, нашим рабочим университетом.

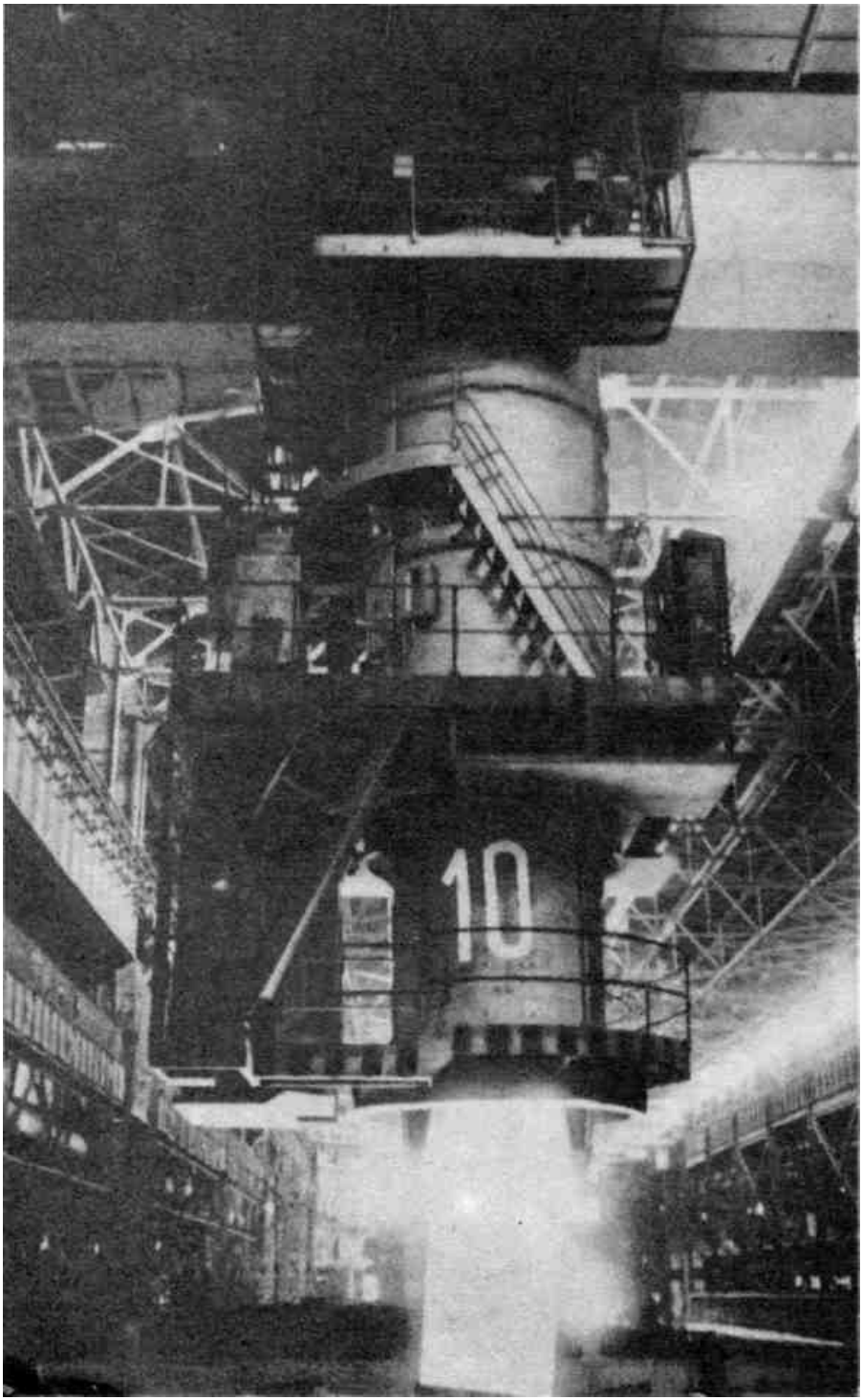
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — почетный металлург страны, заслуженный рационализатор РСФСР, заслуженный наставник молодежи РСФСР — рассказывает о семейных традициях большого рабочего рода (почти 500 лет составляет трудовой стаж династии Полегаевых на Челябинском металлургическом комбинате), размышляет он и о чести, совести, о том, из чего в широком плане складывается счастье человека. Издание второе, дополненное.

- Брат братом силён
  -
  - По законам рабочей совести
  - Испытание на прочность
  - Наш рабочий университет
  - Мой цех, мои товарищи
  - Твой след на земле

Брат братом силён


10

В жизни были и трудности, и лишения, но все выдержали, прошли все испытания на прочность.

Этот снимок был со мной на фронте… Мы с Галиной в день свадьбы.

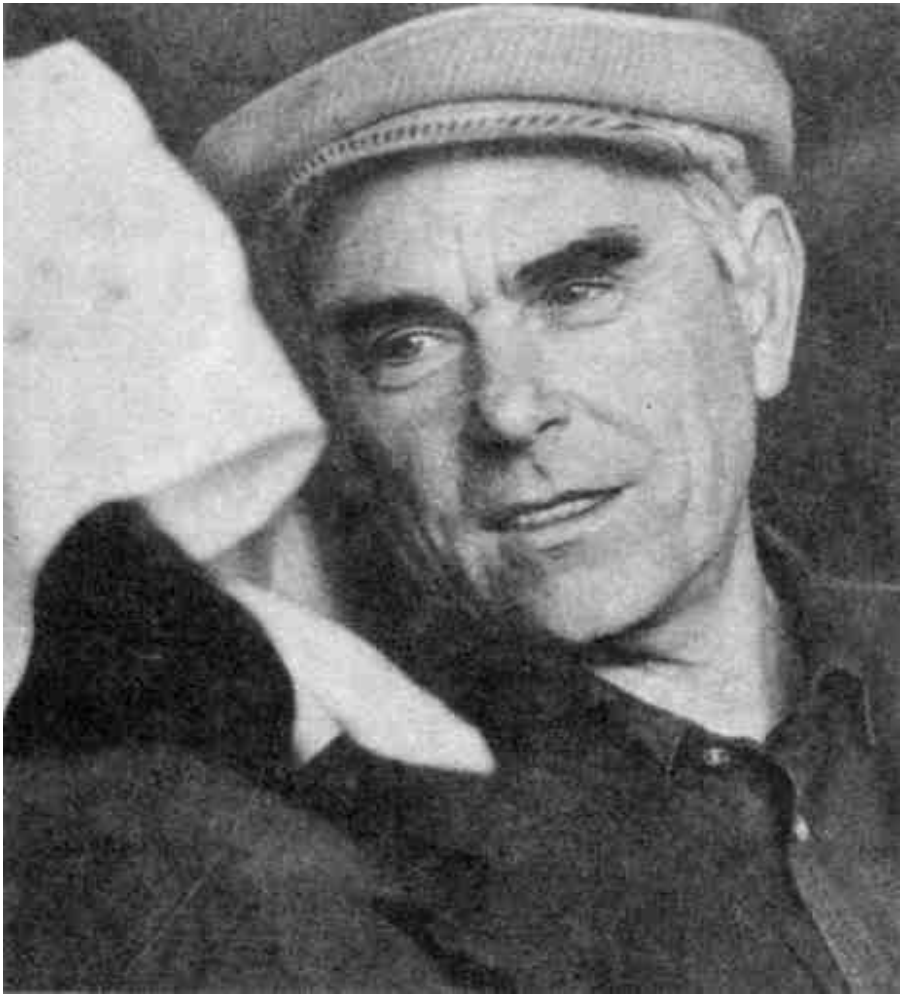
…А это наша семья, причем далеко не вся. Душой ее всю жизнь — наша мама, Галина Агаповна.

Дочь Нина тоже металлург. Это хорошо! Работа у огня закаляет характер.

Сестра Мария уже на пенсии, но дома не сидится. Такой уж у нее характер! Как, впрочем, у всех Полегаевых.

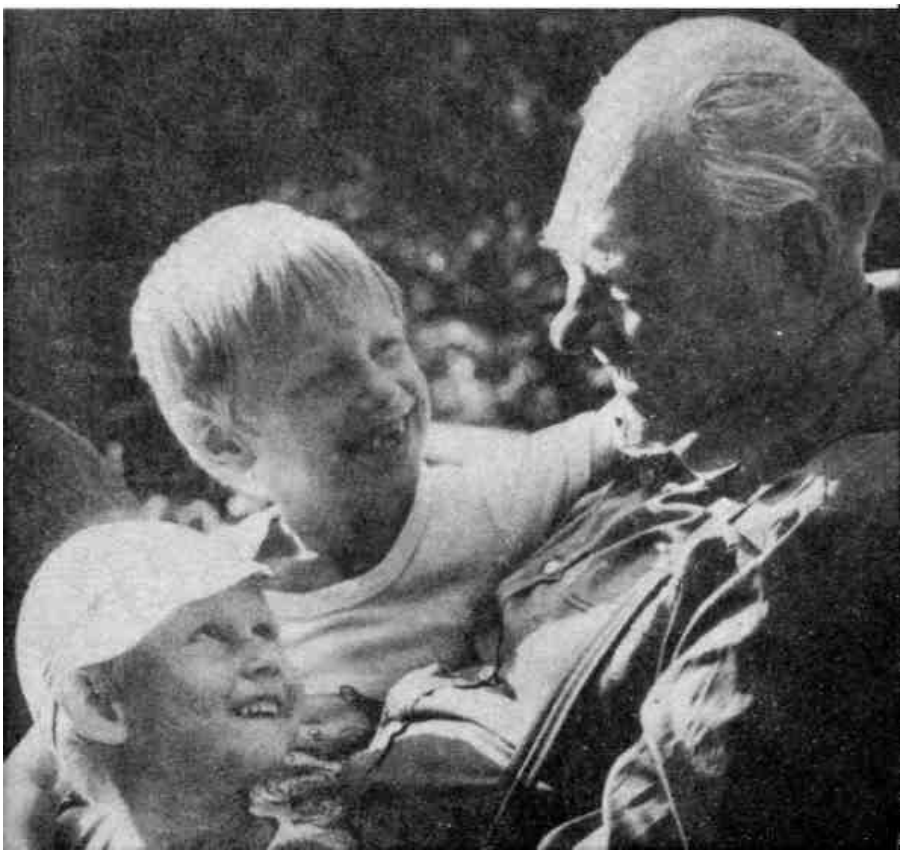
Для этих девчат, пришедших к нам на участок со школьной скамьи, из профтехучилища, техникума, нелегка работа контролеров, посадчиков горячего металла. На зато какая красивая работа!

Четыре года горячей работы в Болгарии останутся в памяти.



С шестнадцати лет трудится мой брат Константин на нашем родном комбинате.

В день 40-летия Великой Победы. Как волнующи эти встречи!



Мои внуки — моя радость.

...И снова весна. Сколько их было у нас с Иваном Ивановичем Полетаевым, добрым моим соседом, сыны и дочери которого, как и мои, достойно продолжают отцовское дело.

Вот уже полвека как работаю я в черной металлургии. За это время весь прокалился, как металл, и характер уже под стать ему, но, знаете, я нисколько не жалею, что стал именно металлургом!

Наш рабочий стаж считают горячим, а я бы назвал его огненным, поскольку все мы с вами работаем у огня и раскаленной стали!

Из выступления И. А. ПОЛЕГАЕВА на вечере трудовой славы, посвященном 20-летию

третьего обжимного цеха ЧМК,

29 декабря 1984 года

Общественная редколлегия серии «Рабочая честь»

В. Д. НАУМКИН — дважды Герой Социалистического Труда, делегат XXVI съезда КПСС, газовщик Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина, председатель редколлегии

О. С. БУЛГАКОВА — главный редактор Южно-Уральского книжного издательства, заместитель председателя редколлегии

Н. И. СОННОВ — секретарь Челябинского обкома КПСС

П. В. МОЗЖЕРИН — Герой Социалистического Труда, кузнец-штамповщик производственного объединения «ЧТЗ имени В. И. Ленина», внештатный секретарь Челябинского облсовпрофа

В. И. ОВСЯННИКОВ — Герой Социалистического Труда, оператор Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина

А. К. ОРЛОВ — профессор, доктор экономических наук, директор Челябинского филиала Высшей школы профсоюзного движения им. Н. М. Шверника

И. Н. ПАНФИЛОВСКИЙ — Герой Социалистического Труда, директор СГПТУ-37 Челябинска

В. М. ЧЕРДИНЦЕВ — дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, делегат XXIII, XXV, XXVI съездов КПСС, член ЦК КПСС, комбайнер из Сакмарского района Оренбургской области

И. А. Полегаев

Брат братом силён

Издание второе,
дополненное

Челябинск
Южно-Уральское
книжное издательство
1985

По законам рабочей совести

Осенью 1982 года партком и дирекция Челябинского металлургического комбината собрали нас, ветеранов-металлургов.

— Вы знаете, дорогие товарищи, какие трудности испытывает сейчас предприятие. Нам остро не хватает высококвалифицированных специалистов, — начал свое выступление директор нашего комбината. — Я — бывший фронтовик, вижу и у вас на груди боевые ордена. Выходит, известно, как на фронте бывало: туда, где трудно, командование посылало на прорыв гвардейцев. Мы обращаемся к вам в эти нелегкие для нашего предприятия дни, потому что считаем: вы, гвардейцы трудового фронта, поможете нам выйти из прорыва…

После этой памятной встречи многие ветераны вновь вернулись к мартенам и домнам, коксовым батареям и прокатным станам. Знатный сталевар Дмитрий Николаевич Чернов, например, опять стал работать во втором мартеновском цехе, а сейчас столярничает в деревообрабатывающем. Я расстался с должностью мастера по технической эстетике, которую исполнял последнее время, и снова пришел на свой участок нагревательных колодцев.

А мастера, братья Василий Никитович и Дмитрий Никитович Хмаровы (кстати, оба мои ученики), перед тем, как оформить пенсию, предупредили: «Мы остаемся». И оба продолжают трудиться бригадирами огнеупорщиков. Да еще как! Иному молодому не угнаться за ними.

На бетонной панели перед входом в наш третий обжимной цех висит табличка:

> «Всесоюзная ударная комсомольская стройка — блюминг «1300». Сооружен героическим трудом строителей, монтажников и металлургов при активном участии комсомольцев и молодежи Челябинска. Декабрь, 1964».

О многом говорит мне эта табличка: с начала строительства меня перевели сюда руководителем подкомплекса по сооружению нагревательных колодцев. Это были горячие деньки. С рассвета до позднего вечера пропадал на строительных лесах, вникал в каждую «мелочь». Дважды в день — в десять утра и четыре дня — в штабе стройки проводилось оперативное совещание. По характеру своему горячий, вспыльчивый, я довольно резко

критиковал нерадивых, высказывал замечания, но и советовал, как устранить неполадки. Ко всему относился, можно сказать, придирчиво, ведь не кому-то другому, а именно мне с моими товарищами предстояло работать на этом стане.

Однажды мне довелось услышать такой разговор:

— Полегаеву никак не угодишь: для него нет хороших людей…

— Вы ошибаетесь, — возразил начальник стройки Е. В. Вайнштейн. — Если человек болеет за дело, значит, он любит людей…

На стройке выходила небольшая газетка «Ударная комсомольская». «Ударная» очень помогала нам. Благодаря ей каждый участник стройки был в курсе всех важнейших дел.

В моей заветной папке хранится номер газеты за 19 ноября 1964 года. До пуска стана оставался ровно месяц. Читаю крупно набранное сообщение:

> «Товарищ! На стройке хорошие вести — принят газ на первую группу нагревательных колодцев, есть успехи у наладчиков. Но впереди еще очень много работы. Сосредоточим внимание на всех нерешенных задачах!»

И тут же рассказ о том, как приняли мы газ на своих нагревательных колодцах. Он называется броско: «Событие № 1».

> «Ожидание кончилось, и не без волнений и тревог наступил, наконец, счастливый момент. В первой, второй, третьей, четвертой ячейках первой группы нагревательных колодцев горят газовые горелки. Газ принят!
>
> Эксплуатационники — полновластные хозяева. Уже не строители, не монтажники, а рабочие обжимного цеха. Старший мастер нагревательных колодцев Иван Александрович Полегаев назначает первую вахту, обсуждает со своими людьми самые первые насущные заботы. И волнение его все никак не уляжется. Он не спешит сейчас домой и, наверное, только под утро уйдет с колодцев. Газ принял. Отошли одни заботы, черед — другим…
>
> Но вот звучат команды: «Факелы зажигай!», «Открывай!» И синеватое пламя уже начинает бить из первой горелки, второй, третьей…»

Не могу сейчас, даже спустя двадцать с лишним лет, читать эти строки без волнения, ведь в них — моя судьба, судьба моих

товарищей, наша рабочая честь. Они отчетливо напомнили мне тот день — 17 ноября шестьдесят четвертого. К нему мы стремились, его приближали. Восемнадцать различных организаций сооружали наши нагревательные колодцы. С главным инженером «Союзтеплостроя» А. А. Гинтером мы, можно сказать, дневали и ночевали на этих самых колодцах. С той поры и подружились. И сейчас, когда на колодцах нужно что-то усовершенствовать, иду сразу к Абраму Абрамовичу, знаю: не откажет, не подведет. Вот что значит дружба, рожденная в горячих буднях!

А в памяти выплывают все новые и новые подробности того самого беспокойного и очень счастливого дня. Мы, сварщики, принимаем газ. Рабочие уже зажгли горелки. Пламя, которого ждали с таким нетерпением, тревожно затрепетало. Неожиданно увидел, как рабочий с длинным металлическим стержнем факела сделал неосторожное движение. Спешу к нему: «Прошу вас, внимательней — здесь люди!»

Все это делал как-то мимоходом. Я был сосредоточен на том, чтобы вовремя скомандовать: «Открыть вентиль!» И очень переживал, загорится или нет очередная горелка.

Такое состояние наступает, наверное, лишь тогда, когда переживаешь особенно значительные минуты. Тогда все видишь, на все быстро реагируешь. Такой момент ответствен и тревожен. И все-таки это праздник. Ведь здесь финал огромного напряжения душевных и физических сил, многих беспокойных смен и часов. Здесь, наконец, и время самому увидеть, что тобою сделано.

Огонь уже заполыхал синим беспокойным пламенем во всех четырех ячейках. «Горят, горят, родимые!» — радовался я. Самые первые печи растапливал на стане «350», потом на «1100». И вот на новом блюминге принимаю нагревательные колодцы. Ячейки выложены неплохо, как на выставку. Кра-си-вые!

День близился к закату. Строители, монтажники и корреспонденты ушли. На участке остались только мы, хозяева. Тут и цеховые каменщики, которые так старательно выкладывали ячейки вместе с теплостроевцами, и мои верные надежные помощники — сварщики С. И. Бондарук, Н. М. Ведехин, Н. К. Ротаенко, братья В. Н. и Д. Н. Хмаровы, мастера Р. Н. Гордейчик и А. З. Роменский. Я назначаю людей в смену, самую первую в этом цехе. Ставлю первоочередные задачи. И вот как будто насчет всего распорядился, а рабочие не расходятся.

— Иван Александрович, ждем речи, — сказал один из них.

— Скажу, ребята, обязательно скажу. Спасибо вам всем! От всей души спасибо…

И назвал поименно всех, кто сотворил для нас такие

отличные колодцы.

— Первый раз слышу, что Полегаев доволен, — сказал молодой каменщик.

«Ударная комсомольская» писала тогда:

> «Что заставляет Полегаева так старательно, придирчиво, лично воспринимая все неурядицы, вести дело, не знать спокойного сна, пока что-то не «отредактировано, не доведено до ума»? Может быть, простое чувство, что он нужен, и ожидание праздника».

Как точно передал корреспондент мое тогдашнее состояние! Мы все жили заботами огромной стройки и ожиданием пуска блюминга.

И вот он наступил, этот день. Безветренный, морозный, предновогодний. Мы выдали из колодца первую заготовку, и спустя несколько секунд по рольгангу нового блюминга прошел обжатый первый раскаленный слиток. Цех буквально содрогнулся от крика «ура-а-а!»

На душе было радостно. Это — праздник!

Итак, блюминг «1300» пустили, но не все ладилось на первых порах. Были свои огрехи и в работе нагревательных колодцев. Как-то обратил внимание: на крышках колодцев выпадает то один кирпич, то другой. Хоть делались они из дорогостоящего шамота, а были непрочны. «А если заменить шамот жаропрочным бетоном?» — мелькнула однажды мысль. И с той поры не давала покоя. Поделился своими соображениями с начальником цеха Иваном Кондратьевичем Линдом.

— Бетон и дешевле, и стойкость у него больше, — доказывал ему.

— Давайте рискнем, — ответил Иван Кондратьевич. — Только надо подключить специалистов.

Обратились в УралНИИстромпроект к кандидату технических наук В. В. Зализовскому, главному инженеру «Союзтеплостроя» А. А. Гинтеру, в заводскую огнеупорную лабораторию к инженерам Л. И. Малофеевой и В. И. Климову. Они горячо откликнулись на нашу просьбу помочь нам в создании бетонных крышек. Энергично подключился к этой работе и мастер по ремонту А. И. Киселев.

Прикинули: расчеты в пользу бетона. Стали изготовлять новые крышки. Каждая теперь служит до двух с половиной лет, принося шесть тысяч рублей экономии в год. А на всех переоборудованных крышках цех экономит 140 тысяч рублей. Ощутимый вклад в копилку комбината!

Мы не успокоились на этом. Вместе с теми же специалистами

предложили внедрить новый способ заправки подин, газовую горелку, огнеупорную бетонную смесь. Это основные наши предложения. А сколько их всего!

В декабре 1976 года приказом Минчермета за продолжительную работу в черной металлургии, внедрение жаропрочных бетонов для изготовления крышек колодцев и в связи с 60-летием мне была объявлена благодарность. Приказ этот хранится в моей заветной папке. Здесь он лежит с похвальным листом, которым наградил меня еще в апреле сорок четвертого нарком черной металлургии Иван Федорович Тевосян, с Почетной грамотой ЦК комсомола, грамотами Президиума Верховного Совета Российской Федерации, документами о присвоении звания заслуженного рационализатора республики и заслуженного наставника молодежи. Документы эти не для себя храню — для детей. Думаю, на них они воздействуют сильнее любых слов.

Но все это былые заслуги. В восьмидесятые годы в цехе проводилась работа не меньшего значения. В нее включились нынешний начальник цеха Г. Е. Талалайкин, работник центральной лаборатории автоматизации и механизации В. К. Винокуров, главный конструктор В. П. Братченко и я. Мы изобрели машину, которая рубит на дне колодцев шлак. А прежде мы убирали его с помощью отбойных и пневматических молотков. Каким огромным подспорьем стали эти машины, насколько облегчили они труд нагревальщиков и огнеупорщиков.

В октябре восемьдесят второго в цехе произошла авария — вышли из строя нагревательные колодцы. Вот тогда-то партком и дирекция комбината обратились к ветеранам-металлургам. Работы по восстановлению их было много. На аврал направили всех каменщиков и ремонтников нашего обжимного, в помощь дали рабочих из других цехов и даже специалистов из «Союзтеплостроя» и Уралдомнаремонта.

Трудились с утра до позднего вечера, а порой и без выходных и праздников, ибо знали, что каждый день простоя нашего блюминга дорого обходится государству. Ведь наш обжимной катает в год почти пять миллионов тонн металла. Две трети всего челябинского проката!

Вместе со мной на колодцах буквально дневал и ночевал главный прокатчик Юрий Петрович Денисов (сейчас он на другой работе). За это время мы так сблизились, что понимали друг друга с полуслова.

Надежным и верным помощником стал для меня старший мастер Александр Петрович Маркеев. Он — мой ученик, трудился на участке с самого пуска нагревательных колодцев. Александр

Петрович закончил вечернее отделение политехнического института. Когда проектировщики представляли несовершенные проекты по восстановлению колодцев, он указывал им на недостатки, требовал непременно доработать. Порой брак допускали и каменщики. Маркеев не боялся входить с ними в конфликт:

— Эту стенку придется переделать!

— Вам они для выставки, что ли? — ругались каменщики.

— Для работы! — сухо и твердо отвечал старший мастер.

Я всегда поддерживал Александра Петровича. Мы требовали от каменщиков ответственного отношения к работе и в конце концов добились своего: они стали трудиться на совесть.

Буквально горел в эти дни мастер по ремонту Анатолий Александрович Шарыгин. Тоже мой ученик. Хоть и годы солидные, а руководил он ремонтом энергично, по-деловому.

На восстановлении колодцев показали, на что они способны, мастер А. Д. Хаванов, старшие нагревальщики А. Г. Попович и Н. Т. Ткачук, Ю. С. Казанцев, А. С. Кривошеин, нагревальщики М. О. Старостенко, В. В. Сафронов, Г. Ф. Гужин… Да разве всех назовешь?! Очень помогли в эти трудные дни крановщики — Ф. Д. Клаузер, А. Н. Пинеров. Их краны не стояли ни минуты.

Я поражался, откуда берется в людях такой энтузиазм, такая энергия. Сознание долга придавало дополнительные силы. Мы знали, насколько остро страна нуждается в наших колодцах, и делали все, чтобы ввести их в строй как можно быстрее. Откровенно скажу: это было время нелегкого, самоотверженного труда. Каждый, кто принимал участие в нем, достоин самого доброго слова.

Постепенно мы очистили днища колодцев от шлака — вот когда в полную меру пригодились шлакоуборочные машины! Освободили рекуператоры от расплавленной окалины, заменили огнеупорную кладку. В январе 1983 года из 34 колодцев мы восстановили уже девять, а на двух провели средний ремонт. Первые колодцы заработали — в них снова стали греть металл. Блюминг и непрерывно-заготовочный стан ожили.

В июне в нашем цехе побывали руководители «Союзспецстали». Они внимательно осмотрели все наше сложное печное хозяйство, увидели нагревательные колодцы после восстановления в действии. И спустя несколько дней, выступая на партийно-хозяйственном активе комбината, начальник управления «Союзспецстали» Л. К. Косырев с удовлетворением отметил:

— Сейчас ваши нагревательные колодцы — самые лучшие в стране!

Наш блюминг выходил из прорыва. Декабрьское задание восемьдесят третьего выполнили полностью, а с первых дней восемьдесят четвертого выдали первые тысячи тонн сверхпланового высококачественного проката. Можно представить мою радость, когда ясным январским утром увидел в конце аллеи перед нашим цехом «молнию»:

> «За три дня января 1984 года обжимной цех № 3 прокатал 1072 тонны металла сверх плана. Молодцы! Так держать!»

«Мо-лод-цы!» — невольно вырвалось и у меня. Каждого, кто работает в нашем цехе, живет его заботами, проблемами, не могло не порадовать это сообщение. Ведь многие трудятся в цехе с первого дня его пуска. Это большая сила — наши ветераны. Есть среди них те, кто начинал свой рабочий путь в годы войны. Это люди, которые и сегодня показывают образец выполнения своего гражданского, партийного долга.

И вот мы, ветераны-металлурги, снова собрались на свое совещание. Это был как смотр боевых сил. На груди у каждого — ордена и медали.

Секретарем парткома комбината в то время был делегат XXVI съезда партии Григорий Иванович Евченко. Тепло улыбнувшись, он сказал:

— На нашем предприятии трудятся сотни ветеранов Великой Отечественной войны и труда, а всего в активе более семи тысяч ветеранов партии, комсомола, войн и труда. Это — золотой фонд комбината. С такой гвардией можно идти на любые дела, никакие трудности не страшны.

На этой встрече шел деловой разговор о том, как использовать опыт старших поколений для решения конкретных задач нашего времени, задач во многом новых и по-новому сложных.

Сейчас страна наша взяла курс на ускоренное развитие научно-технического прогресса, интенсификацию всего производства. Апрельский и Октябрьский (1985 г.) Пленумы ЦК КПСС, июньское совещание в ЦК партии по вопросам ускорения научно-технического прогресса поставили задачи конкретные, крупномасштабные.

На встрече с металлургами Днепропетровска Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев назвал наше время ответственным периодом в истории Родины.

> «Сейчас все мы заняты тем, как на практике реализовать выработанную апрельским Пленумом ЦК

программу ускорения социально-экономического развития страны, — сказал он. — Суть ее ясна: мы хотим и дальше идти по пути улучшения жизни и труда советских людей, всестороннего совершенствования социалистического образа жизни, поддерживать оборону страны на должном уровне, укреплять позиции социализма на международной арене.

А для этого необходимо ускорить темпы развития нашей экономики, сделать ее более эффективной, а наш труд — более высокопроизводительным. Как это сделать? Мы в ЦК и правительстве считаем, основной путь — ускорение научно-технического прогресса».

Да, наше время — это время революционных перемен в экономике, а значит, во всей нашей жизни, во всех наших делах. Мы, уральские металлурги, поддерживаем решительный курс партии на эти перемены и сделаем все, чтобы новую экономическую программу успешно претворить в жизнь. И это не только мое мнение.

Работать по-ударному, из месяца в месяц повышая производительность труда, стало нормой всего нашего коллектива. К 40-летию предприятия металлурги выдали более 100 миллионов тонн стали, проката и кокса. А спустя год, 23 февраля 1984 года, доменщики преподнесли Отчизне еще один подарок — 100-миллионную тонну чугуна. На торжественном митинге, посвященном этому событию, мастер третьей печи Анатолий Францевич Фрисс заявил:

«Своим ударным трудом мы приблизили этот памятный день. Чтобы внести еще больший вклад в укрепление Родины, мира на планете, коллектив нашего цеха решил встать на ударную вахту мира, посвященную 40-летию Великой Победы над фашистской Германией. Даем слово работать еще лучше!»

Патриотический почин доменщиков подхватили представители всех служб комбината. Между коллективами цехов и агрегатов началось соревнование за почетное звание «Победитель ударной трудовой вахты мира в честь 40-летия Великой Победы». А в апреле 1985 года на комбинате проходила эстафета Памяти, в которой участвовали победители ударной Вахты мира. В состав коллективов агрегатов-победителей были включены Герой Советского Союза Александр Матросов, Николай Гастелло, Василий Луценко, Николай Кузнецов, погибшие в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Деньги, заработанные на их

счет, рабочие перевели в фонд мира.

В день Всесоюзного ленинского коммунистического субботника на мартеновской печи № 6 в смене Александра Фомина сталевары этого агрегата провели плавку Памяти, посвященную 40-летию Великой Победы. В этом знаменательном событии приняли участие представители всех остальных металлургических агрегатов-победителей ударной трудовой Вахты мира. Четко и организованно работали все службы агрегата. Сталевары выплавили металл строго по заказу и в рекордно короткий срок — за 1 час 35 минут.

А в канун праздника на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы, с рапортом выступили участники плавки Памяти. Они обратились ко всем челябинским металлургам с призывом — достойно встретить XXVII съезд КПСС, продолжить ударную трудовую вахту до съезда партии. Это предложение все мы, участники собрания, встретили дружными аплодисментами.

Дирекция ЧМК, партком, профком и комитет комсомола рекомендовали эту патриотическую инициативу активно поддержать всем трудящимся комбината. Продлить ударную трудовую вахту до съезда партии решили многие бригады и смены, в том числе и мы, рабочие и мастера участка нагревательных колодцев. Не словами, а конкретными делами отвечают, прокатчики на призыв партии — трудиться высокопроизводительно.

В июле 1985 года наш блюминг и непрерывно-заготовочный стан пережили второе рождение — здесь провели коренную реконструкцию (ниже я расскажу о ней подробнее). Производительность блюминга возросла на 900 тонн металла в сутки. Уже в августе (впервые за последние годы!) мы значительно перевыполнили месячную программу. Надо сказать, реконструкция нашего цеха позволила улучшить работу всего прокатного передела комбината и создала условия для успешного выполнения заданий завершающего года одиннадцатой пятилетки.

Испытание на прочность

19 апреля 1983 года моему комбинату исполнилось 40 лет. Во Дворце культуры металлургов собрались сотни моих товарищей по работе. Тут и сталевары, и доменщики, и прокатчики, и коксохимики. Много ветеранов. Большинство из них я знаю: вместе начинали сорок лет назад.

Началось торжественное собрание.

— В этот день мы особенно отмечаем тех, кто закладывал, строил первые цехи, по-стахановски работал в годы войны и до сих пор трудится вместе с нами, — говорит директор комбината. — С первых месяцев в нашем коллективе работают Виктор Андреевич Рощенко, Александр Егорович Плечистов, Григорий Сергеевич Клишевский, Иван Яковлевич Тищенко, Николай Васильевич Ключкин, Евдокия Ивановна Лисина и многие-многие другие. Всего у нас более ста человек, чей трудовой стаж равен рабочему стажу предприятия. Честь и слава этим замечательным труженикам, которые посвятили родному заводу, нелегкой профессии металлурга почти всю свою жизнь!

Зал ответил горячими аплодисментами. Аплодировали и мы с моим братом Константином, аплодировали своим товарищам и одновременно самим себе: ведь в те сто с лишним человек, которые трудятся у нас с пуска предприятия, входим и мы с ним.

Проникновенно, душевно приветствовали наших заводчан ведущие праздника дикторы Центрального телевидения Анна Шилова и Юрий Ковеленов:

— Максим Горький говорил, что настоящие герои — люди, которые любят, умеют работать. Как просто и емко сказано! Эти слова целиком и полностью можно отнести к вам. Ведь вы вместе со строителями в лихие годы войны возвели здесь, на месте топких болот и диких кустарников, огромный завод. Уже через год после начала строительства дали стране и фронту самый прочный металл. И сооружение завода, и ваша сталь — это подвиг! Подвиг ваших рук и мужественных сердец. Многие из тех, кто совершил его, присутствуют здесь, в этом зале…

И Юрий Ковеленов стал называть имена тех, кто стылым апрельским вечером сорок третьего года выдал на нашем заводе самую первую плавку. Это — канавщик Иван Никифорович Азопкин, начальник пролета Иван Никитович Емелихин, мастер разливки Федор Михайлович Корнеев и лаборант Татьяна Николаевна Балаба, первая среди женщин комбината удостоенная высшей награды — ордена Ленина.

— В сорок третьем вихрастым подростком пришел в

прокатный цех Суфиян Галеев, — продолжала Анна Николаевна Шилова. — Ему было всего пятнадцать, а работать надо, как взрослому. Что сделаешь, если большинство мужчин ушли на фронт… А спустя тридцать восемь лет уже знатный прокатчик Суфиян Гайсинович Галеев принял участие в прокатке 100-миллионной тонны челябинской стали. Работать в цехе от первых слитков до 100-миллионной тонны — это тоже подвиг!

В первых рядах поднялся Галеев. Невысокий, плечистый, с посеребренными висками. А я помню его еще мальчишкой. Смотрел в тот вечер на волевое, мужественное лицо Суфияна (он для меня так и остался Суфияном) и думал: жизнь у него получилась. Настоящая, красивая.

А тем временем дикторы вели рассказ:

— Рабочие традиции отцов нынче продолжают ваши сыновья и дочери. Для вашего предприятия это особенно характерно. У вас трудятся свыше трехсот династий. В этом зале находится глава самой крупной из них — Иван Александрович Полегаев. Пожалуйста, поднимитесь, Иван Александрович, чтобы вас увидели все! — услышал я звонкий голос Анны Николаевны Шиловой.

Сначала не воспринял эти слова на свой счет. Но сидевшие рядом со мной заводчане зашептали: «Иван Александрович, это вас». Смущенный и растерянный, я поднялся. Мальчишки и девчонки в пионерских галстуках подбежали ко мне с цветами. Гвоздички! Такие же ярко-огненные, как галстуки у ребят. Мои самые любимые цветы — есть в них что-то от полкового знамени, под которым я сражался в годы войны, и от багрового огня, у которого нахожусь вот уже полвека.

— В династии Полегаевых более двадцати человек, которые трудились на вашем предприятии, а некоторые из них продолжают работать до сих пор. Целая бригада! — продолжала Анна Николаевна. — Если сложить весь трудовой стаж этой династии, то получится около пяти столетий. Почти 500 лет самоотверженной работы у огня и стали! Это тоже подвиг! Спасибо вам за него!

Конечно, такие минуты незабываемы. Они останутся в памяти и душе на всю жизнь. Мы встретились взглядами с братом, я понял, что он переживает такие же чувства. Быть может, это были одни из самых волнующих и счастливых мгновений в нашей жизни, которая начиналась у нас довольно трудно.

…Говорят, самые яркие впечатления — это впечатления детства. Наверное, это так.

Родился я за год до Октябрьской революции в станице Усть-Медведицкой, что на Дону (сейчас это город Серафимович в

Волгоградской области). Отец, Александр Александрович, русский, мать, Евгения Павловна, украинка. Отец наш сражался в годы гражданской в рядах Красной Армии, бил банды Деникина и барона Врангеля. Вернувшись с фронта, устроился заготовителем сырья для местного кожевенного завода. Брал он и нас, детей, с собой в поездку по казачьим станицам. Дорогой с увлечением рассказывал о былых походах, а в балках и буераках показывал места, где происходили кровавые схватки с контрой. Мы любили такие поездки и всегда ждали, когда отец снова позовет нас в дорогу. А в раскаленной от зноя степи во все горло напевали вместе с ним наши любимые песни про лихих конников Буденного, «Наш паровоз, вперед лети…»

В двадцать девятом семья переехала в Сталинград — тогда здесь развернулась невиданная стройка. Отец работал монтером на автоматической телефонной станции, мать — вахтером на проходной завода «Красный Октябрь». Четырнадцатилетним мальчишкой пришел я на АТС. Здесь бы меня еще не взяли, пришлось два года добавить. А три года спустя тяжело заболел наш отец, скоро он умер. Все заботы семейные принял на себя, а забот-то немало: пятеро сестер и младший брат. Я к тому времени уже подрос и решил перейти на «Красный Октябрь» — здесь мог побольше заработать. Окончил краткосрочные курсы ФЗУ, получил направление работать сварщиком (точнее сказать, нагревальщиком) металла на стан «450».

Помню, как высокий плотный мужчина привел меня на участок нагревательных печей.

— Вот здесь мы будем работать с тобой, сынок. Давай знакомиться. Меня величают Иван Яковлевич Букаев. А как тебя?

— Иван Полегаев, — ответил я.

— Значит, мы с тобой тезки, Ваня.

Работать с ним было легко. Относился он ко мне по-отечески. Когда я полностью освоился со своими обязанностями, стал доверять работать самостоятельно. А вернувшись из отпуска, Иван Яковлевич придирчиво осмотрел печь, искренне заметил: «Молодец! Сварщик из тебя получается отменный».

Благодаря такому наставнику, каким оказался Иван Яковлевич, по душе пришлась мне нелегкая, «стальная» работа. Освоил все ее премудрости: начал со второго разряда и дошел до седьмого. Поставили меня старшим сварщиком.

Вместе с вальцовщиком Семеном Леонтьевым (по сей день с ним дружим!) создали комсомольско-молодежную смену. Дела ее стали известны на всем «Красном Октябре». Товарищи семь лет избирали меня комсомольским секретарем.

В конце 30-х годов мне посчастливилось участвовать в слете

ударников труда, на котором выступал Алексей Стаханов. Прежде я думал, что Стаханов — богатырь, а на трибуне — ничем не выделявшийся среди нас русоволосый крепыш. Только вот воли в нем было побольше да дух потверже. Эти качества характера и позволили ему совершить мировой рекорд по выдаче угля — перекрыть норму в 14 раз.

«По-стахановски» — это стало символом борьбы за все передовое, против устаревшего. Нас, ударников труда, называли стахановцами. Приятно и почетно было носить это звание!

С первых дней Великой Отечественной тысячи моих сверстников ушли на фронт. В августе призвали в действующую армию и меня.

Привезли в Москву, распределили по воинским частям. Меня зачислили в 359-й Краснознаменный стрелковый полк, который оборонял столицу на Можайском направлении, в станко-пулеметный расчет первым номером. Бои под Москвой уже продолжались не первую неделю. На нашем участке врагу удалось подойти к ней на расстояние 86 километров.

Был я тяжело контужен. Три месяца лечился в госпитале, в городе Котельнич Кировской области. Но еще долго не слышал и не разговаривал. Лишь весной 1942 года снова пришел на свой завод, вернулся к своему привычному огневому делу. В ту пору мы варили сталь для обороны, в прокатных цехах катали противотанковые «ежи», а в ремонтно-механических «залечивали» наши «раненые» танки и самоходные орудия.

Никогда не забуду ночь на двадцать третье августа. Утром, когда мы с братом Костей заступали на смену, фашистские стервятники налетели на наш завод и разрушили его. В тот же день краснооктябрьцы создали рабочие батальоны. Командиром одного из них назначили сталевара Георгия Мордвинова (сейчас он живет в Челябинске). Я снова взял в руки винтовку.

В районе тракторного завода немцы высадили крупный десант. Наш батальон всю ночь сражался. К утру фашисты вынуждены были отступить.

Последнюю неделю августа и в сентябре мы были в отрядах народного ополчения, вместе с бойцами регулярных войск защищали «Красный Октябрь».

Трудные дни и ночи Сталинграда! Бои шли за каждый клочок нашей земли. Не на жизнь, а насмерть. Спустя год после победы меня наградили медалью «За оборону Сталинграда». Она очень дорога мне, как память о тех жестоких испытаниях, которые пришлось выдержать моему поколению в ту незабываемую пору.

В докладе на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 40-летию Победы советского народа в

Великой Отечественной войне, М. С. Горбачев сказал:

> «Во время грозной опасности наша страна стала поистине единым военным лагерем. Беспримерное геройство и стойкость проявил советский рабочий класс. В самые трудные минуты рабочие батальоны вливались в ряды сражающейся армии, работа в цехах не прерывалась даже тогда, когда враг стоял буквально у заводских стен, а снаряды и бомбы рвались рядом. Высокой сознательностью и организованностью рабочий класс еще раз подтвердил свою роль ведущей силы советского общества, сделал все необходимое для Победы».

Эти слова относятся и к моим землякам-сталинградцам.

В сентябре сорок второго поступил приказ Государственного Комитета Обороны — эвакуировать всех краснооктябрьцев на Урал. Помню, эвакуацией руководил бывший в то время начальник «Главспецстали» А. Г. Шереметьев. Мы обратились к нему:

— Почему нас отправляют в Челябинск? Ведь там нет никакой металлургии.

— Нет, так будет! — ответил он уверенно.

Переправлялись через Волгу на пароме глубокой ночью, но гитлеровцы «повесили» в небе «фонари» (от них было светло, как днем) и бомбили беспрерывно. Паром мотало, как челнок. Много погибло людей, Волга была красной от крови. В ту пору ее называли горящей рекой.

Через три недели мы прибыли на станцию Баландино. Семьи оставили в вагонах, а сами пошли узнать, где строился металлургический завод. Оказалось, в километрах пятнадцати-двадцати от станции. Дорога была плохой, идти трудно. Навстречу дул холодный пронизывающий северяк с крупой.

— Южный Урал действительно не Северный Кавказ, — вспомнил я, поеживаясь, остроту, брошенную кем-то в поезде.

— Ничего, привыкнем — не такое испытали! — вполне оптимистично ответил Михаил Елисеевич Бойко (после войны он станет начальником прокатного цеха, позднее главным прокатчиком завода). — Где-то тут, по моим данным, должна быть станция Шагол.

— Послушаем, что споет нам этот щегол, — попытался я снова пошутить.

За разговорами, шутками вроде как было теплее.

Перед нами предстала панорама строившегося завода. На месте березовых колок, болотных кустарников и чахлого

редколесья строители рыли котлованы, возводили корпуса будущих цехов, наладчики и эксплуатационники монтировали металлургическое оборудование. Кругом горели костры, иначе не продолбишь землю. Повсюду слышались простуженные мужские голоса, кое-где гремел оркестр — под музыку, видимо, легче работалось. Иногда все это заглушали свистки паропутевых кранов и тарахтенье трехтонок с газогенераторами по обеим сторонам кабины — горючего не хватало, уральцы первыми перешли на деревянное топливо.

Людей на стройке было много — тысячи, десятки тысяч. Русские, украинцы, белорусы, армяне, узбеки, казахи, немцы — кого только здесь не было! Многие одеты в армейские ватники — это бойцы 5-й саперной армии, прибывшие сюда из-под Сталинграда. Чувствовалось, здесь тоже фронт. Трудовой! Скоро и я со своей семьей стал его участником.

На станцию подъехали грузовые машины из соседних колхозов и совхозов, с ними — представители хозяйств. Всех эвакуированных развезли по окрестным деревням. Мы попали в Худяково, которое находилось недалеко от нынешнего аэропорта. Местные жители взяли в каждый дом по семье. Всех разобрали, а к нам даже никто не подошел. Семья-то большая, одиннадцать человек: мать, пятеро сестер, брат, я, жена моя и двое детей. Мама сама обратилась к одной женщине:

— Дочка, возьми нас, пожалуйста. Ребята в дороге намаялись и уж давно не кормлены.

— Дом-то у меня небольшой, а вас вон сколько! — ответила женщина. — Но не оставаться же под открытым небом?! Что ж, пойдемте.

Хозяйку нашу звали Прасковьей Ивановной. Фамилия, как и у многих в деревне, Худякова. Муж и сын воевали, а другой — подросток — был при ней.

Прасковья Ивановна достала из чулана чугунный котел. Мы нагрели в нем воды и прямо в комнате (на дворе уже стоял октябрь) принялись мыться. Мама наголо остригла Костю, Люсю и наших малых ребятишек. После дала чистое нижнее белье, а грязное собрала в кучу и бросила в печь.

Хозяйка тем временем приготовила большую сковороду мятой картошки, размешанной на молоке. От жара в печи картошка подрумянилась, источала необыкновенно вкусный запах. Не забуду, с каким аппетитом и наслаждением ели мы. И в дальнейшем хозяйка заботилась о нас, как о родных. Здесь, вдали от своего дома, мы нашли уют и теплоту. Вот когда почувствовали во всей красоте подлинный характер уральцев — отзывчивость, доброту, взаимопомощь.

Прасковья Ивановна оказалась бригадиром овощеводческой бригады. На следующий день она пригласила нас помочь совхозу убрать урожай. Когда мы почти всей семьей вышли в поле, подруги Худяковой изумились:

— Где ты, Прасковья, собрала такое войско?

— С Волги прибыли, прямо из Сталинграда. Это будет наше фронтовое звено.

Так мы и трудились этим звеном, помогали совхозу убирать картошку, капусту, морковь и турнепс.

Прошло полтора месяца, и я, наконец, потребовался заводу. Поселили нас в эвакогородке, что находился за нынешним коксохимом. Тридцать бараков были выстроены здесь. В десятом, в комнате № 12, жили мы, у меня до сих пор ордер сохранился. Получили ключи, открываем дверь, перед нами — небольшая комната, одно окошко, двухъярусные нары, сбитые из холодных сырых досок.

— Как в матросском кубрике, — присвистнул Костя. — Люська, нагрей воды! — скомандовал младшей сестренке. — Будем палубу драить.

Так и прожили всю зиму в этом кубрике. Да еще у нас поселился мой друг Семен Леонтьев. Жена его ждала ребенка и уехала к своим родителям в деревню.

Поступили все на завод. Меня направили на базу оборудования принимать грузы с прибывающих эвакуированных эшелонов. Костя пошел учеником токаря в мастерские прокатного цеха. А позднее его перевели в ремонтно-механический. Работал он по-фронтовому: был на заводе одним из инициаторов движения двухсотников.

Сестра Раиса устроилась в первом прокатном контролером ОТК (до пуска цеха была здесь разнорабочей), Мария — в цехе сетей и подстанций, Тося — в электросталеплавильном, Фаина — в центральной заводской лаборатории, затем в электросталеплавильном, доменном, Людмила — в первом прокатном, а потом во втором обжимном. Всю войну каждый из нас делал свое скромное, но нужное дело! Я еще вернусь к этим дням и расскажу о моих сестрах и брате.

Весной цех сетей и подстанций выделил Марии отдельную комнату. В ней поселились мои сестры и брат. В нашем кубрике стало просторнее, но не надолго. Вскоре приехала жена Семена с грудным ребенком. Так и жили мы две семьи вместе. Жили дружно; как говорится, в тесноте, да не в обиде.

В западной стороне от стройки, невдалеке от реки Миасс, расположился железнодорожный Мельничный тупик. Здесь находилась заводская база оборудования. В первое время тут

была самая горячая работа. Еще в ноябре сорок первого, за год до нашего приезда, старый большевик А. К. Богенс привел сюда первый состав с эвакуированным оборудованием из Алчевска (ныне Коммунарск). Потом металлурги подмосковной «Электростали» привезли электросталеплавильные агрегаты, липчане — доменные печи, сталинградцы — станки с «Красного Октября».

Прямо вдоль путей стояли наскоро сколоченные сараи, в них складывали прибывающее оборудование. Его было столько, что в нем легко можно запутаться. И я удивлялся, как начальник нашего УКСа А. Л. Рубинштейн разбирался в нем. Александр Львович не только знал по картотеке, где какая деталь находилась, но и мог рассказать все ее технические данные. «Главное — ничего не перепутать!» — не уставал напоминать он.

Однажды на Мельничном тупике произошел такой случай. Замнаркома черной металлургии И. П. Бардин сообщил наркому И. Ф. Тевосяну, что на базе оборудования в Челябинске, кажется, пропала доменная печь. Тевосян приказал Рубинштейну срочно отыскать ее. Александр Львович сразу за свой блокнот, внимательно полистал его и, облегченно вздохнув, сказал рабочим: «Вот здесь, пожалуйста, осторожно раскопайте снег!»

Оборудование печи действительно находилось на этом месте. Отлегло на душе и у меня, ведь я отвечал за доставку оборудования в строящиеся цеха. Дело хлопотливое.

Когда прибыли эшелоны, в их разгрузке участвовали все — вагоны срочно требовались под фронтовые грузы. Условия были нелегкие: на базе стоял всего один кран, его использовали лишь для крупных габаритов, остальное выгружали вручную. Бережно снимали с платформ детали печей, прокатных станов и тут же ставили их. Работали по двенадцать часов в сутки.

Для того, чтобы сразу найти необходимое оборудование, мы написали на листах фанеры углем: «Электросталеплавильный цех», «Прокатный», «Доменный», прибили их на деревянных сараях. Внутри на шпальных клетках стояли станки. В этих сараях ремонтировали, готовили к монтажу оборудование наших первых цехов.

Рядом в бараке, сбитом в одну доску и обшитом толем для защиты от бешеных ветров, разместились мастерские. От сорокаградусных морозов трещали деревья, а в мастерских еле коптили жаровни с горящим коксом, над которыми рабочие отогревали озябшие руки, чтобы снова встать к верстакам, взяться за увесистые кувалды.

В нашем отделе оборудования была создана партийная организация — самая первая на заводе. Ее возглавил Александр

Карлович Богенс. В ту суровую пору я стал коммунистом. Вот уже более сорока лет в партии. Немало важных и ответственных партийных поручений выполнял. Был членом райкома, горкома КПСС. А последние годы выбирали в цеховое партийное бюро. Но никогда не забуду свое первое партийное поручение — заботу о семьях фронтовиков. Ремонтировали комнаты, завозили дрова на зиму, покупали ребятишкам одежду.

…Это событие помнят все ветераны нашего комбината — первая плавка была для всех нас огромным праздником. На пуск первой электропечи приехали Николай Семенович Патоличев, руководивший в годы войны Челябинской областной партийной организацией, начальник строительства Александр Николаевич Комаровский, главный инженер стройки Василий Семенович Сапрыкин. Тут же директор нашего завода, молодой, энергичный инженер Яков Исаакович Сокол. Рядом с ним главные инженеры предприятия — доменщик Даниил Семенович Кащенко и сталеплавильщик Михаил Андреевич Перцев.

В девять часов вечера раздалась команда: «Пускать!» И вот он, первый металл — в желобе! Поперек его протянули алую ленточку. Огненный ручеек добежал до нее — она мгновенно вспыхнула.

Кто-то из цеховых «пиротехников» вместе с этой ленточкой протянул тонкую ленту из алюминия. Когда жидкая сталь коснулась ее, она рассыпалась тысячами ярких искр. Этот маленький фейерверк мы восприняли как праздничный салют. Разливочный и сталеплавильный пролеты содрогнулись от криков «ура!» и громких аплодисментов. Металл упругой белой струей полился в ковш. В его отсветах хорошо был виден плакат, висевший на верху печного пролета: «Все для фронта, все для победы!»

Да, ради победы мы работали. На целый год раньше срока пустили свой завод.

Здесь мне хочется привести выдержку из книги Н. С. Патоличева «Испытание на зрелость»:

> «Челябинский металлургический завод качественных сталей становился крупным комплексным предприятием, с полным металлургическим циклом, со своей сырьевой базой, электроэнергией. И как быстро, действительно по-военному, при огромных усилиях и напряжениях всего коллектива вырос этот замечательный и чрезвычайно важный для страны завод».

Да, тут был наш фронт, и поэтому все мы трудились по-военному. Нормой того времени было 200 процентов, а на

сооружении наших прокатных станов зародилось патриотическое движение стахановцев-тысячников. Они выполняли за смену по семь, восемь и даже десять норм. На строителей равнялись и эксплуатационники, ведь мы трудились с ними бок о бок — вместе монтировали прокатное оборудование, опробовали его, готовили к напряженной работе.

В то время все понятия о возможном и невозможном были опрокинуты. Александр Николаевич Комаровский, возглавлявший тогда нашу стройку, в своей книге «Записки строителя» вспоминал:

> «Конечно, такие сроки строительства могли быть осуществлены только в результате подлинного трудового героизма всего коллектива, понимающего, как нужна качественная сталь для фронта. Может быть, это звучит парадоксально, но даже сейчас, в дни мирного строительства, при неизмеримо лучшем снабжении, более высокой механизации работ, было бы очень трудно в такие сроки создать на голом месте комплекс металлургических цехов, реально выдающих качественную продукцию».

Заводчане, строители и монтажники совершали трудовой подвиг. У реки Миасс одни за другим поднимались корпуса огнедышащего гиганта. Руководители завода и стройки издали такой приказ:

> «Рабочий, досрочно выполнивший десятидневное задание с оценкой не ниже «хорошо», сокративший заданный срок на три дня и более, получает за наличный расчет: шесть метров х/б ткани, одну пару парусиновых ботинок, одну пару белья, две пары носков, трусы, майку, 10 штук лезвий для безопасной бритвы и один кусок туалетного мыла».

Работница-женщина имела право приобрести шесть метров ткани, хлопчатобумажное платье и босоножки, две пары трико и чулок, кусок туалетного мыла. Молодые рабочие ФЗО получали эти же товары бесплатно. Так в ту пору мы жили, так трудились.

И вот спустя два месяца после ввода в строй первой электропечи, 19 июня сорок третьего, мы пустили прокатный стан «800», а 19 июля еще один — «350». Никогда не забыть дни отгрузки первых тонн нашего челябинского проката на танковый завод, многолюдные митинги в цехах, полные горячего патриотизма речи рабочих и инженеров, принявших

обязательство — трудиться по-фронтовому!

Всей сложной и хлопотливой пусковой работой руководил опытный инженер-прокатчик, начальник нашего цеха Давид Леонович Ротенберг. В эти же дни он перевел меня на новый стан. Здесь я проработал до конца войны и несколько послевоенных лет. Вспомнить, конечно, есть что!

На стане «350», как и на других, я был старшим сварщиком металла, трудился уже по одиннадцатому разряду.

Грели мы тогда металл углем в методической печи, много его сжигали на колосниках, потом перешли на смолу. Грязные ходили, как черти, особенно во время ремонта. На ногах — деревянные чуни, подшитые брезентом, другая обувь просто не выдержала бы смолы. И только после войны, в конце сорок восьмого года, перешли на газ.

Бригада моя состояла из людей разных национальностей, в ней было пятеро армян, столько же казахов, один узбек, несколько русских. Одним из самых опытных сварщиков был Давыд Иванович Петров — рослый, крепкий мужик. Золотые руки у него! Когда брался за дело, залюбуешься. Не случайно после войны он одним из первых на заводе был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Как-то в цехе появился Иван Федорович Тевосян. Первым делом зашел в столовую, остановился возле первого столика, поинтересовался:

— Как кормят, товарищи?

— Хуже некуда! — ответил один из прокатчиков: — Ты-то кто будешь, чтоб тебе докладывать?

— Нарком черной металлургии.

— Виноват, товарищ нарком!

— В чем ваша вина? — улыбнулся Тевосян. — Если кормят плохо, виноваты начальство и повара. Вот с них и спросим…

Нарком отправился на рабочие места. Услышав родную речь, он подошел к нашему участку. Вартан Осепян, обрадовавшись встрече с наркомом, говорил без умолку, широко жестикулируя руками. Я заметил, что Иван Федорович время от времени внимательно посматривал на меня. Что ему рассказывал Вартан, я не знал. «Неужели жалуется? — подумал. — Чем обидел?» Поговорив со сварщиками, нарком направился ко мне. Я был ни жив ни мертв.

— Большое спасибо вам, Иван Александрович! — добродушно улыбаясь, с заметным акцентом сказал Тевосян.

— За что спасибо-то? — растерялся я.

— За вашу русскую доброту! Я встретил своих земляков. Они очень хвалят вас, говорят, что относитесь к ним, словно брат

родной. Здесь, на Урале, зимы вон какие холодные. Вам, волжанам, и то трудно, а каково — закавказцам? И правильно, что вы заботитесь о них, согреваете своим душевным теплом…

Эта встреча до сих пор в моей памяти.

Станы наши были устаревшими: ни одного приводного ролика, горячие слитки тащили волоком по металлическим плитам, смазанным для скольжения смолой. А температура металла около тысячи градусов. Дым, чад. Вот в таких условиях работали, выполняли ответственные задания Государственного Комитета Обороны.

Наш старший вальцовщик Николай Павлович Белоусов овладел своей профессией в совершенстве. Мой друг Семен Леонтьев учился у него сноровке, виртуозности. Через полгода его поставили мастером. Около восьмидесяти человек вместе с крановщиками в нашей комсомольско-молодежной смене. Большая ответственность, но Семен справлялся успешно.

Работали мы на одном участке с бригадой другого прославленного прокатчика Петра Евсеевича Орлова. Коллективы соревновались, вскоре оба завоевали звание фронтовых. Слава о них гремела по всему заводу.

В канун 27-годовщины Октября бригады встали на предпраздничную фронтовую вахту. С таким призывом мы обратились со страниц заводской газеты ко всем челябинским металлургам. Нас поддержали и сталевары, и доменщики, и коксохимики, но высокий накал состязания задали прежде всего мы сами. Только за один месяц выдали по 200 тонн проката сверх задания.

Каждый день на цеховой доске объявлений указывалось, сколько металла прокатала наша смена, сколько — Орлова. Раз в месяц подводили итоги: то Орлов обходил нас, то мы его. А качество у бригад было хорошее. Мы знали, что наша сталь шла на танковые и авиационные заводы, а с них — прямо в бой!

И после войны П. Е. Орлов и С. И. Леонтьев задавали тон в стахановском движении, на их счету было еще немало добрых дел. За это — заслуженные награды. Петр Евсеевич был награжден орденом Ленина, медалью «За трудовую доблесть», Семену Илларионовичу еще в апреле сорок четвертого был вручен значок «Отличник социалистического соревнования черной металлургии» (такую же награду получил и я в то время), а позднее был он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Уже в мирное время специалисты подсчитали: в последние годы Великой Отечественной войны в каждом третьем танке и боевом самолете была наша челябинская сталь. В каждом

третьем! Для людей моего поколения это о многом говорит. Значит, не напрасно мы трудились дни и ночи, выдавая сталь для Победы.

Наш рабочий университет

Мастер… Мы часто произносим это слово. И вот в каком смысле: мастер — значит руководитель, организатор производства. И — все. А ведь мастер — это прежде всего мастеровой работник, который умеет что-либо сделать, как никто другой. Помню, еще в Усть-Медведицкой станице, когда кто-нибудь из соседей собирался, скажем, ворота починить или новую печь сложить, неизменно говорили: «Схожу-ка за мастером…» Значит, за человеком, у которого золотые руки.

Если ты мастер, — значит специалист своего дела, умеющий сделать его лучше другого. Нелегко стать хорошим мастером-плотником, мастером-каменщиком, мастером-металлургом.

Я расскажу, как мы работали в первые послевоенные годы, как становились мастерами своего дела.

Мы должны были в кратчайший срок увеличить производство проката и повысить его качество. Меня к тому времени назначили мастером участка нагревательных печей. Вместе с инженером-технологом и конструкторами стали искать новые резервы повышения производительности станов.

Коммунисты выступили инициаторами соревнования за более полное использование действующих агрегатов. И здесь мастера стали организаторами и вдохновителями этого движения.

На нашем стане «350» тон стахановской работе задавали смены мастеров-коммунистов Семена Илларионовича Леонтьева и Дмитрия Ивановича Глазунова. Многое здесь зависело от опыта, мастерства и таланта самих руководителей.

Дмитрий Иванович, как и многие из нас, начал трудиться на «Красном Октябре». Мы вместе работали там сварщиками металла, вместе прибыли в Челябинск, монтировали стан «350», осваивали работу нагревательных печей. Всю войну работали с ним на этом участке. Более надежного помощника у меня не было, Дмитрий в совершенстве овладел профессией сварщика. И когда он вдруг заявил, что хочет поступить на курсы вальцовщиков, я поначалу удивился.

— Иван Александрович, тут я все давным-давно освоил, все знаю как свои пять пальцев, а меня к новому потянуло, — ответил он. — Учеба на курсах и будет этой самой отдушиной. Кстати, в нашем цехе очень не хватает вальцовщиков.

Дмитрий был настойчив в достижении своей цели. За короткое время овладел новой специальностью и год спустя уже работал старшим вальцовщиком. Потом он стал руководить нашей сменой. Был он очень строг к себе, это давало ему право

требовать дисциплинированности от подчиненных. Добивался от каждого полной ответственности за его участок работы, воспитывал в людях добросовестное отношение к труду, в то же время чутко и внимательно относился ко всем их нуждам. Если рабочий обращался к нему с каким-то вопросом, он никогда не ссылался на занятость, старался оперативно решить его. За безупречную работу Дмитрий Иванович был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Первой в цехе перекрыла проектную мощность стана смена Семена Леонтьева. Победили опыт, мастерство. Примеру Леонтьева последовали другие, и прежде всего Николай Белоусов и Дмитрий Глазунов. Началось соревнование за достижение высокой производительности в фактический час работы стана. Благодаря этому план третьего года пятилетки наш коллектив выполнил на 118 процентов, а проектную мощность агрегата перекрыли на 12 процентов. Причем все участки работали ровно, значительно перевыполняя задания.

Самым «узким местом» в ту пору стали давно устаревшие и несовершенные нагревательные печи. Мы поставили перед руководством цеха вопрос — нужна коренная реконструкция всего печного хозяйства. Некоторые инженеры скептически отнеслись к этому предложению. Но начальник цеха М. Е. Бойко, был тверд в своем решении:

— Мы должны работать, думая не только о сегодняшнем дне. Жить надо в основном днем завтрашним!

Мы, сварщики, горячо взялись за реконструкцию. Все печи по очереди переделали. Реконструкция была действительно коренной — печи перевели на отопление коксо-доменным газом, увеличили их длину на два с половиной метра, расширили площадь пода.

В результате сократилась продолжительность нагрева заготовок в среднем по всем группам марок стали на один час, а на отдельных марках — до пяти часов. Намного возросла производительность печей и сократился расход топлива.

Оборудовали печи контрольно-измерительной аппаратурой и устройством автоматического регулирования процессов горения. Потребовалось срочно научиться самому и научить людей пользоваться сложной техникой и управлять печью по приборам. Не забуду, сколько времени, сил и энергии затратили на это заместитель начальника цеха А. И. Кравченко — инициатор этого новшества. Он долго и терпеливо учил нас работать на приборах.

А дело оказалось не таким простым. Грамота у всех была невелика, да и привыкли работать по старинке. Вот и бывало: смотрит сварщик на прибор, а потом отойдет от него и заглянет в

печку. Вроде бы на душе спокойнее, как бы проверил автоматику.

Коренная реконструкция нагревательных печей улучшила нашу работу. С той поры мы полностью обеспечивали прокатный стан хорошо прогретым металлом. Это позволило резко увеличить его производительность. Уже в сорок девятом стан «350» прокатывал вдвое больше металла, чем в первом году послевоенной пятилетки. Это был наш конкретный ответ на призыв партии — дать для восстановления разрушенного войной хозяйства как можно больше качественного проката.

Риск себя оправдал! Прав был Михаил Елисеевич Бойко, который при обсуждении нашего предложения сказал: «Мы должны работать, думая не только о сегодняшнем дне. Жить надо в основном днем завтрашним!»

А день завтрашний требовал знаний. Вместе с братом пошли мы учиться в школу рабочей молодежи. Константин был квалифицированным токарем, работал он по самому высокому разряду. Потом успешно закончил школу мастеров. Его поставили мастером.

И вот в 1954-м Константин неожиданно предложил:

— Пойдем, Иван, учиться в техникум!

— Не поздновато в нашем возрасте — в студенты? А? — мне тогда за сорок перевалило.

— Учиться никогда не поздно, — мой брат был неумолим. — Вон Иван Погорелец — тоже фронтовик, а вместе с Иваном Панфиловским пошел заниматься. Нынче без крепких знаний нечего делать в металлургии…

Этих двух Иванов я знал хорошо. Впоследствии оба стали Героями Социалистического Труда. Но это будет спустя десятилетия. А тогда два рабочих человека — мои товарищи — увлекли меня своим примером. Вместе с братом я тоже поступил на вечернее отделение металлургического техникума.

Да, нелегко было работать и учиться. После ночной — и в техникум, с занятий — на смену. И так почти каждый день. Хорошо, Костя помогал. Вот уж действительно верно говорят: брат братом силен! Я сажусь за учебники, и он рядом. Вместе готовили курсовые и дипломы.

Брат защищался на техника-механика, я — по прокатному производству. Столько лет прошло, а до сих пор помню тему своей дипломной работы: «Реконструкция нажимного устройства или линейкокантователя прокатного стана». Эта тема очень злободневна для прокатчиков. Защитил успешно. В сорок четыре года получил диплом.

Мне не раз доводилось бывать в первом ремонтно-механическом, на участке своего брата. Это очень сложное

хозяйство. Здесь работают и зуборезчики, и фрезеровщики, и строгальщики, и сверловщики, и долбежники. Целый букет специальностей, как говорит Костя. Мастер из него получился отличный, участок его по всем показателям стал передовым. Как умелому организатору производства Константину предложили возглавить смену. Помню, поволновался он немало, боялся брать на себя такую ответственность. Я как мог приободрил его.

По роду занятий Константину приходится решать сложные производственные проблемы, в каждую из них он вникает до тонкости, до самой сути. Много внимания и сил уделяет он молодым рабочим. Добрый, отзывчивый, он окружает их настоящей отеческой заботой. Стали опытными, квалифицированными токарями братья-близнецы Сергей и Александр Сафрыгины. Оба закончили ПТУ, пришли в первый ремонтно-механический. Понравился им и цех, и коллектив, поэтому, когда отслужили в армии, опять вернулись в свою рабочую семью. Нашли себя в этом коллективе Сергей Батаев и Геннадий Мажитов. После службы в армии остались верны своему цеху, рабочей профессии.

Мой брат — коммунист, награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Все свои годы работы на комбинате я чувствую его братскую помощь. Связаны мы с ним одним большим рабочим делом. А его жена Таисия Тихоновна проработала в медсанчасти свыше 30 лет.

Что рассказать о сестрах? Их у меня пятеро. Если написать о каждой подробно, получится целая книга — о рабочей судьбе, о верности избранной профессии, о высоком чувстве долга и чести.

Старшая, Раиса, так и трудилась все годы в прокатном цехе техническим контролером. Вначале мы работали с ней вместе на участке нагревательных печей. Она с помощью специального прибора следила за температурой нагрева слитков, каждый из них весом 1200 килограммов. Если температура в печи ниже необходимой — значит выдадут металл холодным, а от этого валки стана быстрее ломаются. Температура всегда должна быть нормальной, а это во многом зависит от контролера. Ячеек было немало, в каждую сажали по нескольку десятков слитков, причем нередко с разных плавок. Потом Раиса обучила помощницу, вдвоем стало сподручнее, одна следила за посадкой слитков в ячейки, другая — за выдачей их на стан.

Раиса первая среди нас, Полегаевых, получила медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Ее муж, Егор Конкин, тоже награжден этой медалью, руководил он бригадой электриков в электросталеплавильном цехе. Оба их сына, закончив металлургический техникум, работали

электриками на комбинате.

До пенсии проработала на комбинате и сестра Мария. В электросталеплавильном встретила она своего будущего супруга — Николая Шмыгу. Был он электриком, затем кончил школу мастеров, учился в металлургическом техникуме. Направили начальником смены, а потом начальником участка главной понизительной подстанции, которая обслуживает группу прокатных цехов, в том числе и третий обжимной. Вот как переплелись наши судьбы! Николай Демьянович снабжает электроэнергией и мои нагревательные колодцы. От надежности его работы зависит и моя.

Опытным специалистом стала Фаина. А своим трудовым становлением считает она тот апрельский день 1943 года, когда ей доверили сделать анализы второй плавки. Она была горда и счастлива, с каким-то особым настроением определяла содержание фосфора и марганца в кипящей стали. «Поверишь, — как-то сказала она мне, — с той поры эти элементы перестали быть абстрактными — они стали материальны, порой даже вижу их во сне». Мы чувствовали, она очень любит свою работу.

Ее мужем стал инженер Иван Никитич Чернов. Вот уже более сорока лет он работает в черной металлургии — термистом, прокатчиком, мастером ПТУ. Человек он работящий, энергичный. Двух сыновей воспитали Черновы. Один из них, Сергей, работает электриком на комбинате, другой — механиком в совхозе.

Работала в электросталеплавильном сестра Антонина и самая младшая, Людмила, тоже металлург. Она трудилась и контролером в ОТК, и мастером в прокатном, термическом. Повсюду ее ценили, относились с уважением.

Вместе с нашим металлургическим комбинатом росли и крепли мы, вместе со сталью уральской закалялись и наши характеры. Мы всегда собираемся в День Победы. Такие встречи у нас, Полегаевых, традиционны. Вспоминаем былое — и грустное, и веселое. А вспоминать каждому есть что.

Фаине нашей в сорок первом исполнилось всего шестнадцать лет, но с первых дней войны она работала на «Красном Октябре» вместе со взрослыми.

— Ростом я была еще невелика, до станка руки не доставали. А таких, как я, совсем еще зеленых девчонок, немало. У нас были деревянные подставки, или, как мы их называли, «пьедесталы». Делали мы снаряды. Были они разных калибров. Те, что для танковых пушек, легкие, по нашим силам, а те, что для тяжелых орудий, такие увесистые, что еле держишь на руках, только и смотри, чтоб с «пьедестала» не свалиться вместе со снарядом.

— А помнишь, Фая, когда немцы начали бомбить завод, мы

прятались в щели? — это говорит Константин. — Только улетали бомбардировщики, мы снова в цеха, к своим станкам. А потом надоело: фашист бомбит, а мы делаем снаряды. Мастер прогоняет в укрытия, а мы — ему. «Пока бегаем туда-сюда, сколько гильз можно выточить».

— А как я боялась первое время дежурить на подстанции, — вступает в разговор Мария. — Вдруг включишь не тот рубильник. А потом привыкла. Во время слива металла, капитального или текущего ремонта печи «обесточиваешь» участок. Подходят ремонтники, спрашивают: «А ты, правда, дочка, трансформатор отключила?» — «Ну, конечно, — с удивлением отвечала. — Вот смотрите!» — и бралась голыми руками за проводники, по которым еще недавно бежал электрический ток.

И Антонина вспоминает, как работала первые месяцы в электросталеплавильном техническим контролером, а затем перешла в столовую: по просьбе руководства комсомольцы взяли шефство над цеховой столовой. Однажды к ней зашла мама, возвращавшаяся домой из прокатного, где она побывала у меня. Антонина обрадовалась, усадила за стол, сказала: «Сейчас я попробую тарелку супа раздобыть». Вернулась, а матери-то нет. А вечером у них такой разговор состоялся:

— Ты почему, мама, ушла?

— Чтобы никто тебя не упрекнул.

— Из-за тарелки супа-то?

— Доверие можно потерять и из-за тарелки супа. Попробуй восстанови потом. Так что дорожи своей честью сразу и всегда!

Хорошо работала Антонина. В сорок шестом вместе с нами получила медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

— А помнишь, Иван, — обращается ко мне Константин, — ты побеседовал с моим «дружком» — я боялся его: он подговаривал меня воровать. И моего «дружка» словно ветром сдуло. Ты подарил мне тогда свой аккордеон: «Учись играть, браток, весели людей! А то от горя у всех души плачут…»

И Константин вполне искренне сказал:

— Словом, был ты для нас, Иван, как отец родной: строгий и заботливый. Всех нас на верную дорогу вывел…

Да, пришлось мне в ту пору быть для Константина и сестер и старшим братом, и за отца, и даже за мать. Она умерла, не дожив до светлого дня Победы.

Война была для всех нас суровым испытанием. Испытанием на прочность наших характеров, наших душ. И мы его выдержали!

Не могу не рассказать здесь о своей жене Галине Агаповне. Когда познакомился с ней, ей было восемнадцать. Работала она в

заводской больнице лаборанткой. В тридцать девятом у нас родился первенец — Юра. Жена уволилась — надо водиться с сынишкой. А когда началась война и я ушел на фронт, Галина вместе с моей сестрой Тоней пошла на «Красный Октябрь» делать каски для бойцов. Зимой сорок второго родилась наша дочь Нина. Пришлось оставить работу. Вскоре я вернулся из госпиталя тяжело контуженным, со мной тоже надо было возиться, как с ребенком.

А беда снова и снова стучалась в наш дом. На фронте фашисты убили отца Галины, а в Сталинграде во время бомбежки погибла сестра Серафима. Погибли на фронте муж сестры Петр Иванович Чистяков и их старший сын Виктор. Остались сиротами четверо детей — Валя, Лида, Клава и Веня. Старшей из них не было десяти лет. Во время войны они жили в Сталинграде с бабушкой, а как только отгремели бои, Галина вызвала их на Урал. И к четырем нашим ребятишкам прибавились еще четверо детей. Моя жена стала им за мать. Мы так же растили и воспитывали их, как и своих сыновей и дочерей. Каждому Галина дарила частицу своего доброго сердца и души. А когда выросли наши племянницы и племянник, мы всех их определили на завод, всех выдали замуж и женили.

В нашем семейном альбоме хранится фотография, на которой я заснят с Галиной в день свадьбы. От времени она пожелтела. В сорок первом я брал ее с собой на фронт, бережно хранил в своей красноармейской книжке. Память о близком человеке словно согревала мою душу в сырых холодных окопах. Сейчас этой фотографии сорок семь лет. Подумать только, уже сорок семь лет, как мы живем с Галиной Агаповной вместе, недалеко и до золотой свадьбы. Все эти годы она посвятила детям. Своей добротой и щедростью воспитала и в них такую же доброту и чуткое отношение к людям.

— Не забывайте, дети, чужого горя не бывает! Относитесь к другим, как к себе.

Этот наказ матери они выполняют свято.

Мой же характер несколько строже и суровей.

— Знаешь, папа, как тебя соседские мальчишки зовут? — однажды спросила меня Нина.

— Как? — заинтересовался я.

— Иван Грозный. Ох, говорят, и сердитый у вас отец!

За столом все рассмеялись.

— Это хорошо, что строгий, — заметил на правах старшего Юрий. — Благодаря строгости отца мы все стали людьми…

Может быть, я действительно был излишне строг, но эта строгость пошла детям на пользу. Вообще-то я считаю: насколько

ты строг, настолько же должен быть добрым. Строгость и доброта едины, как два крыла у птицы.

После окончания школы Юра собирался в медицинский институт. Я посоветовал сперва поработать, пойти учеником вальцовщика. Послушался сын. Понравилась ему атмосфера рабочего коллектива. Через два года он поступил на металлургический факультет Челябинского политехнического института. Летом во время каникул вместе с товарищами ездил в Казахстан и на Алтай убирать хлеб. Познал здесь цену хлеборобского труда и подлинного товарищества. На третье лето руководство второго обжимного, где Юра трудился до института, предложило ему поработать на блюминге. Решил помочь — и остался, перевелся на вечернее отделение института. В эти же студенческие годы он занимался в аэроклубе ДОСААФ, совершил несколько прыжков с парашютом. Сколько восторга было в его рассказах, когда, придя домой, делился впечатлениями.

Но молодость есть молодость, в ней не обходится без сучка-задоринки. Однажды в конце лета вместе с другими прокатчиками моего сына послали на уборку урожая в подшефный совхоз. Все старшие товарищи отработали по месяцу и вернулись, а Юру оставили еще на месяц, потом еще. Тут он не выдержал.

— Почему приехал раньше времени? — спросил у него.

— Хватит, отработал свое! — отрезал он.

— Как ты смеешь так разговаривать? — возмутился я. — Да знаешь, кто ты после этого?

Он оторопел.

— Ну, устал я, батя, — откровенно признался он.

— А ты думаешь, нам было легче во время войны? — сказал я, смягчившись. — Мы работали каждый день от темна до темна, только не два и не три месяца, а всю войну. Понимаешь, сынок?

— Что же мне делать? — спросил.

— Сегодня помойся, отдохни, а завтра чуть свет возвращайся в совхоз. И не забудь извиниться перед бригадиром, ведь он так волнуется за тебя. По себе знаю…

Спустя несколько лет он сам вспоминал этот случай. Улыбнувшись, сказал:

— А здорово, батя, тогда ты за меня взялся! Устроил такую пропарку, что мне до-ол-го было стыдно за себя. Но, как видишь, это пошло только на пользу.

Сейчас Юрий — старший вальцовщик на сортовом стане «250». Стан для него уже не загадка, как было в первое время. По малейшему стуку, шуму, гулу особому, даже шороху (у него, — как любит говорить, — ушки на макушке!) непременно

определит, где что не так. Внимательно рассматривает, как идет раскат в валках, выправляет на ходу. А когда сталь идет ровно, плавно катится по рольгангу, она словно поет. Поет так, что заслушаешься…

Старшая дочь Нина в молодости тоже очень любила спорт, занималась легкой атлетикой. Она работает во втором обжимном, уже более двадцати лет контролер отдела технического контроля. Ее муж Алексей Ткачук — нагревальщик металла у нас на колодцах.

Анатолий младше Юрия и Нины, он также прокатчик, закончил наш техникум. Работает вместе со мной. Я строг и требователен к нему, как никто другой. А если нуждается в помощи — я всегда рядом.

Вообще нас трое на одном участке — я, мой сын Анатолий и зять Алексей Ткачук. Иногда услышишь: «Это участок Полегаевых». Я думаю, это хорошая семейственность, если она на пользу делу. На нашем участке работает старшим нагревальщиком еще брат Алексея Николай. Их третий брат Василий Ткачук — мастер термического цеха.

Самая младшая моя дочь — Люба тоже начинала прокатчиком, училась в металлургическом техникуме. Потом перешла на соседний машиностроительный завод автотракторных прицепов, где трудится ее муж Владимир Сапегин. Он освоил три специальности — сверловщика, протяжника и фрезеровщика, получил диплом «Лучшему молодому рабочему».

Как быстро летит время! Мы с женой год от году седеем, а наша династия Полегаевых набирает силу! Уже правнуки растут.

Свадьбы своих детей мы, братья и сестры, отмечаем вместе. Даем свой рабочий наказ.

Мужем Наташи, дочери моей сестры Антонины, стал ее однокурсник Валерий Бедин. Помнится, я тогда сказал жениху:

— В семье, в которую ты сегодня входишь, никто ни разу не переступал закон совести. Все мы живем по принципу: «Один — за всех и все — за одного!» Значит, так теперь должны жить и вы с Наташей. Береги свою честь смолоду!

Сколько лет прошло, а Валерий до сих пор, как встретимся, обязательно скажет:

— Иван Александрович! А помните, как вы принимали меня в вашу династию. Я как сейчас помню ваш наказ: «Береги честь смолоду!»

Валера с Наташей — конструкторы, проектируют новые агрегаты на уральских металлургических заводах, в том числе и на нашем комбинате. Валерий руководит группой конструкторов в отделе металлургического оборудования челябинского

Гипромеза. Его ребята спроектировали и внедрили в кислородно-конверторном цехе установку для продувки стали аргоном, механизированную линию для подготовки шиберных затворов. Эта линия уже действует, дает отличные результаты. Она — первая в нашей стране.

Почти все мы, Полегаевы, связали свою судьбу с огненной профессией металлурга. И вот, бывает, идешь утром на смену — обязательно кого-нибудь из своих встретишь. Завод для нас как семья. Мои сестры, брат, сыновья, дочери, зятья, племянники и племянницы прошли тут хорошую трудовую закалку. Журналисты подсчитали, что общий стаж нашей работы на комбинате около 500 лет. Конечно, мы внесли немалый вклад в становление предприятия. Только, думаю, комбинат дал нам больше — он стал суровой, но такой необходимой школой жизни, нашим рабочим университетом.

Мой цех, мои товарищи

Я уже рассказывал, в каком прорыве был осенью 1982 года наш цех. Вырваться из него помогли энергичные меры руководства комбината, творческий поиск всего рабочего коллектива. Немало тогда поступало дельных предложений. Однажды на техсовете всех заинтересовало выступление начальника бюро научной организации труда Юрия Павловича Некрасова.

— В некоторых цехах предприятия смело внедряют прогрессивные формы организации и оплаты труда, — сказал он. — Коксохимики на агрегате блока первой и второй батарей создали сквозную комплексную бригаду. Здесь каждый рабочий заинтересован в конечном результате труда. И дела пошли на лад, значительно выросла производительность.

Забегая вперед, скажу, что этот коллектив дважды выходил победителем Всесоюзного социалистического соревнования и завоевывал почетное звание «Лучший агрегат отрасли». В январе 1983 года именно ему было оказано право выдать 100-миллионную тонну кокса. А передовой опыт его работы дважды был представлен на Выставке достижений народного хозяйства. Но это будет позднее, а в ту пору все только начиналось.

— В первом прокатном интересен опыт бригады, которой руководит мастер Сергей Федорович Поспелов, — продолжал Некрасов. — Это мастер, у которого всем нам есть чему поучиться. Он одним из первых внедрил на своем участке ту же прогрессивную систему оплаты — по конечному результату труда. Сам он — специалист высокого класса, по-деловому, оперативно проводит встречно-сменные собрания. Опытом своей работы Сергей Федорович делился на совете мастеров, а также на совещании работников отдела научной организации труда. Участок Поспелова стал лабораторией передового опыта, где сегодня учатся многие прокатчики предприятия. А почему бы и нам не посмотреть его опыт?

Было решено: новую форму оплаты труда попробовать на участке отделки металла. За это дело взялись помощник начальника цеха Анатолий Васильевич Качко и начальник участка Юрий Васильевич Стариков. Оба молодые, энергичные инженеры, но уже достаточно опытные руководители. Они создали в каждой смене по комплексной бригаде, избрали советы. Эти советы вместе с экономистами определили коэффициент трудового участия каждого рабочего.

Новая система организации и оплаты труда с первых же

месяцев дала о себе знать. Норма на участке — обработать и сдать 3815 тонн металла за смену. Это довольно высокая нагрузка. Но с введением комплексных бригад не было случая, чтобы по вине кого-нибудь из рабочих не выполнено сменное задание. Если кто-то освободился на время, он обязательно поможет тому, у кого самая напряженка.

Возникла новая интересная ситуация: помочь другому любой рад, но не каждый мог это сделать — не умел. Сама жизнь заставила отделочников овладеть двумя-тремя смежными специальностями. Теперь многие члены комплексной бригады могут работать и резчиками, и наждачниками, и посадчиками, и уборщиками горячего металла. Люди получили возможность шире проявлять свои способности. Окрепло и чувство коллективизма, товарищества.

А в другой раз произошло вот что. Один из членов бригады совершил прогул. Совет снизил ему коэффициент трудового участия за месяц. Человек «потерял» 60 рублей. Если бы так его наказал мастер, он, как говорится, полез бы «в пузырь». А сейчас на кого обижаться? На совет бригады? На своих товарищей? Для себя все же извлек полезный урок.

А как выросли люди, стали технически грамотными! Н. И. Голубева работала во второй бригаде термистом, товароведом. А после того, как создали комплексную, освоила профессии бригадира отделки, посадчика, клеймовщика и сдатчика. Четыре специальности! В той же смене В. А. Просеков может работать по любой специальности.

Очень дружная на участке третья бригада. Здесь избрали боевой, энергичный совет. Руководит им бригадир отделки В. Н. Петрова. Сама Валентина Николаевна задает тон в работе. Она овладела профессиями резчика металла, пробоотборщика и другими, многие из которых всегда считались только мужскими.

Что же изменилось с организацией комплексной бригады? Если в мае 1980 года каждый рабочий участка отделки в среднем выдал 5182,6 тонны обработанного металла, то ровно через год — 6544,9 тонны. Производительность выросла на 26,3 процента! И несмотря на то, что из-за аварии на колодцах цех несколько снизил производство проката, на одного работающего в мае 1983 года выдано по 5769,4 тонны. Это на 11,3 процента больше, чем в мае 1980-го. Красноречивые цифры. Кроме того, переведены на другие работы около 20 человек. Вот как действует принцип: «Меньшим числом — больше продукции!»

— Если б уровень производства металла в цехе остался таким же, каким он был в 1980 году, производительность труда на участке выросла бы на 33 процента, то есть на одну треть, — с

удовлетворением отметил на одном из совещаний техсовета начальник бюро научной организации труда.

Опыт отделочников заинтересовал остальных прокатчиков цеха. Решено создать новые сквозные комплексные бригады. Занимаются этим вопросом многие специалисты. Некоторые включили эту тему в свои личные творческие планы.

Перспективы ценного начинания, родившегося в нашем цехе четыре года назад, вполне реальные и заманчивые. Бригады играют все возрастающую роль в дальнейшей интенсификации производства, становятся основной производственной и социальной ячейкой трудовых коллективов. Это с новой силой подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии и повышении эффективности бригадной формы организации и стимулирования труда в промышленности», в материалах последних Пленумов ЦК КПСС и июньского совещания в ЦК партии по вопросам ускорения научно-технического прогресса.

> Главное теперь — «это творческий труд, единство слова и дела, инициатива и ответственность, требовательность к себе и товарищам, — подчеркивалось на апрельском Пленуме ЦК. — Пример здесь за коммунистами. Необходимо усилить спрос с каждого члена партии за отношение к общественному долгу, за выполнение партийных решений, за честный и чистый облик партийца. Коммунист оценивается по его поступкам и делам. Других критериев нет и не может быть».

Как это верно сказано! Только работа, конкретное дело красит человека. За свою жизнь я больше видел людей трудолюбивых, которые работают и живут честно. Они, как говорится, соль нашей земли, ее основа. У них я учился ремеслу, смыслу жизни.

В памяти моей навсегда осталось письмо нашего сталевара второго мартеновского цеха Сергея Новика, которое было опубликовано в «Челябинском рабочем»:

> «…И вот я решил: напишу златоустовцам письмо, выскажу все, что думаю. Тем более, что мы, челябинские и златоустовские сталевары, соревнуемся друг с другом и, конечно, должны говорить только правду.
>
> Я хочу сказать о нашей рабочей чести, о том, что мы должны беречь ее. Подумайте: получат машиностроители златоустовский металл для изготовления ответственных изделий, а он негоден. Они,

наверное, скажут:

— Разучились, что ли, уральцы варить добротную сталь? Или совесть потеряли?

Вот ведь на всех уральских сталеварах — пятно.

…Друзья-златоустовцы, я знаю: на вашем заводе много отличных сталеваров. Как же вы терпите бракодельство?..

Я вот что скажу: нельзя у горячего мартена стоять с холодным сердцем! Надо сталеварскому делу отдаваться всей душой, иначе недолго и до беды. Горячий металл не терпит разгильдяйства и равнодушия…»

Сколько лет прошло, а вот читаю это письмо и думаю: как будто сегодня написано. Не так давно в «Правде» был опубликован очерк «Честь рабочая» — о кавалере ордена Трудовой Славы 3-степени, лауреате Государственной премии СССР старшем нагревальщике печи смены № 1 прокатного стана «300» московского завода «Серп и молот» Л. А. Афонине. Вот что он ответил на вопросы корреспондента:

— Какое главное качество человека на работе?

— Надежность.

— Кого вы назвали бы нравственно воспитанным человеком?

— Того, кто умеет предвидеть последствия своих поступков.

— Что лежит в основе высокой сознательности?

— Совесть.

Так и письмо Сергея Новика написано совестью, душой и сердцем очень доброго и беспокойного человека. Оно никого не оставило равнодушным. На страницах областной газеты появились отклики из многих городов края.

Почему это письмо так всколыхнуло южноуральцев? Да потому, что Новик написал о самом главном, выстраданном — нашей совести и долге.

Рассказал он мне тогда о таком случае. Однажды со старшим мастером они плохо проверили откосы печи. Металл проел откос, и 100 тонн ушли в брак. Несколько ночей не мог спокойно заснуть сталевар. Правда, администрация цеха удержала одну треть его зарплаты, но разве дело в деньгах? Суд собственной совести был выше и строже. С тех пор за печью он установил строжайший контроль и заботливый уход, члены бригады больше не знали, что такое брак. Они работали на совесть!

Поэтому Сергей Новик имел право заявить на страницах печати: «Нельзя у горячего мартена стоять с холодным сердцем!» Эти слова стали крылатыми, мои товарищи по работе до сих пор помнят их.

На заводе по инициативе С. Новика развернулось движение «Работать практически без брака!» В него включились мартеновцы, электросталеплавильщики, доменщики, прокатчики, коксохимики. Они развернули борьбу за повышение качества продукции, за экономию металла.

А спустя десятилетие другой челябинский сталевар Петр Сатанин и его товарищ по огненной профессии из Магнитки Михаил Ильин бросят на всю страну клич: «Выплавлять металл строго по заказам, высокого качества, с минимальными затратами». Этот почин одобрят и бюро Челябинского обкома КПСС, и Центральный Комитет партии. Металлурги всего Советского Союза поддержат его.

Сейчас по предложению П. Сатанина на нашем комбинате развернулось соревнование за звание бригады высокоэффективного и качественного труда. За это почетное звание борются не только сталевары. Ныне в этом движении участвуют сотни бригад, а в них работают тысячи человек. Почин этот имеет свою предысторию и самым непосредственным образом связан с Сергеем Андреевичем Новиком.

До сих пор помнит Петр Александрович Сатанин (он был партгрупоргом, сейчас — член бюро Металлургического райкома партии) о том партийном собрании. Проходило оно во втором мартеновском цехе лет десять назад. Второй блок печей портил показатели всего цеха, а металл там плавили ответственный — для волжских автомобилестроителей. На собрании выступил С. А. Новик. Говорил так, что бракоделы готовы были сквозь пол провалиться. Один из них съязвил:

— Хорошо говорить-то, на это все мастаки. Лучше поработали бы сами на наших печах.

— А что! И перейду, — ответил Новик.

Его поддержали другие сталевары — Владислав Мордвинцев, Юрий Федоров, Леонид Сысков и, конечно, партгрупорг Петр Сатанин.

В цехе назрела острая ситуация: на печи второго блока, оказавшегося в прорыве, уходили лучшие сталевары. Не скажется ли это на работе других агрегатов?

— Мы не подкачаем, — убеждал партгрупорг руководителей цеха, — а тем, кто перейдет на наши печи, поможем.

Подошел к концу первый год их работы на пятой печи. Бригада П. А. Сатанина завершила его успешно. Годовое задание перевыполнили на три процента, выполнение заказов довели до 95 процентов, брак снизили до 0,1 процента, то есть до минимума. А за пятилетку они выплавили пять с половиной тысяч тонн стали сверх плана. На той самой печи, на которую уже

давно безнадежно махнули рукой. Это была победа! Не только трудовая. Но и нравственная. Победа бескорыстных характеров, силы воли и духа.

Школа Сергея Новика, Ивана Панфиловского, Петра Сатанина и других знатных сталеваров воспитала целую плеяду молодых металлургов. Один из них — Владимир Гребнев. Сегодня его имя известно многим на Урале, а начинал он свой путь к рабочему мастерству всего четырнадцать лет назад.

В конце шестидесятых годов ашинский паренек Володя Гребнев приехал вместе с одноклассниками в Челябинск поступать в железнодорожное училище. Их не приняли — не было общежития. Подали они заявление в ПТУ-37 Металлургического района в группу сталеваров. Владимиру повезло — его мастером стал Демьян Денисович Нифакин, отличный наставник молодых.

Практику проходил в первом мартене. Сюда же и пришел после училища в бригаду опытнейшего металлурга Александра Сергеевича Журавлева. Работая подручным у него, В. Гребнев быстро освоил все тонкости сталеварения и уже на следующий год был назначен старшим сталеваром на десятой мартеновской печи.

Его соседями по мартену были лучшие сталевары цеха И. Н. Панфиловский и К. С. Селейко. Он жадно учился мастерству, много читал технической литературы. Однажды он предложил своим подручным вызвать на соревнование бригаду Героя Социалистического Труда И. Н. Панфиловского, заслуженная слава о котором уже гремела на всю страну.

Товарищи по работе подшучивали: «Ну, Гребнев погорячился! Остынет — одумается». А молодой сталевар не остыл, неожиданно поддержал его и Панфиловский. И они несколько лет соревновались. Конечно, опыта у Ивана Никитовича больше, его бригада чаще побеждала в этом дружеском состязании. Но и гребневцы тянулись уверенно, нередко даже наступали на пятки своим соперникам. А главное, что руководитель комсомольско-молодежной бригады задал высокий уровень работы членам своего коллектива. Это помогло им быть всегда в форме, добиться высоких результатов.

Комсомольцы комбината избрали Владимира делегатом XVII съезда ВЛКСМ, а за трудовые успехи ему было присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола.

Так по самому большому счету он, вчерашний воспитанник ПТУ, начал свой рабочий путь. Со временем он не утратил набранной высоты, а, как говорят спортсмены, поднял планку еще выше. В годы девятой пятилетки за ударную работу В. Гребневу присвоили звание «Почетный металлург», он был награжден

орденом «Знак Почета». Десятая пятилетка принесла ему еще одну высокую награду — орден Октябрьской Революции. А ведь ему не было и тридцати лет.

В чем секреты рабочего мастерства В. Гребнева? Думается, главное — трудолюбие и огромная ответственность. «Нельзя у горячего мартена стоять с холодным сердцем!» — этот наказ своего старшего товарища Владимир воспринял всей душой. Вот она — преемственность поколений! В своей бригаде он добился того, что здесь все трудятся по законам рабочей чести. Если, скажем, у второго подручного запарка, ему обязательно помогут остальные, в том числе и сталевар. Высокое чувство товарищества проявляют они и по отношению к другим коллективам.

Эта бригада одной из первых на комбинате поддержала почин Петра Сатанина и Михаила Ильина «Выплавлять металл строго по заказам, высокого качества, с минимальными затратами». Члены ее освоили выплавку многих высококачественных легированных марок стали. В 1983 году у Гребнева был самый минимальный брак — 0,09 процента, тогда как в среднем по цеху он составил 1,4 процента. По лицевому счету эффективности производства бригада в 1984 году сэкономила почти 70 тысяч рублей. Все это за счет рационального использования жидкого чугуна, ферросплавов и топлива.

В декабре 1983-го Владимир и его товарищи установили своеобразный рекорд — дали свыше 600 тонн металла сверх плана, причем всю сталь варили практически без брака, строго по заказам. По-ударному работали гребневцы и в завершающем году пятилетки. На их счету тысячи тонн высококачественной сверхплановой стали.

Да, молодой сталевар достойно продолжает замечательные традиции своих учителей — знатных уральских металлургов. Коммунисты комбината избрали его членом парткома, а делегаты XXIII областной отчетно-выборной партийной конференции — членом бюро обкома КПСС. В марте 1984 года его единодушно выбрали депутатом Верховного Совета страны. Это — огромное доверие, которое оказали ему трудящиеся области. Доверие, которое он стремится оправдать своим самоотверженным трудом, каждым прожитым днем своей жизни.

Исключительная ответственность, беспокойство за наше общее дело, государственный подход ко всем проблемам и к жизни вообще — все это выделяет товарищей моих, сталеваров. Не слова, не обещания, а лишь конкретные результаты должны стать мерилом работы.

Сейчас, перед XXVII съездом ленинской партии, коммунисты моего цеха, как и все советские люди, обсуждают проект новой

редакции Программы КПСС. Обсуждают горячо, принципиально, по-деловому. Хочу сказать: новая редакция партийной Программы отвечает самым сокровенным чаяниям каждого труженика.

> «В социальной структуре советского общества возрастает роль трудовых коллективов, — говорится в проекте. — Партия стремится всемерно содействовать тому, чтобы каждый трудовой коллектив становился действенной социальной ячейкой социалистического самоуправления народа, повседневного и реального участия трудящихся в решении вопросов работы предприятий, учреждений и организаций, развития и приложения творческих сил личности. Она считает необходимым целенаправленно усиливать влияние трудовых коллективов на все сферы жизни общества и одновременно повышать их ответственность за решение конкретных задач экономического, социального и культурного развития».

Закон о трудовых коллективах в нашей стране уже принят. Это — наш, рабочий закон! В его лаконичных строках чувствую взволнованность письма Сергея Новика, честность и весомость поступков Ивана Панфиловского, Петра Сатанина, Владимира Гребнева. Мы должны научиться использовать всю силу этого закона против лодырей и рвачей. Для всех нас это — дело рабочей чести!

Всем сердцем воспринял я слова М. С. Горбачева, сказанные им на встрече в Центральном Комитете партии с ветеранами стахановского движения, передовиками и новаторами производства. Вот они:

> «Но успех дела, товарищи, в конечном счете решается в трудовых коллективах — в объединениях и на предприятиях, в цехах и бригадах, на рабочих местах. И решается он энергией, умом и, я бы сказал, сердцем, честью и совестью каждого труженика. Добросовестно работать на общее благо, строго соблюдать дисциплину, проявлять ответственность и инициативу, заботиться об интересах государства как о своих собственных — вот что, в сущности, требуется от каждого».

С каждым годом наше общество развивается и совершенствуется. Это зависит от нас с вами, и только от нас. Ведь мы — хозяева своей страны!

Твой след на земле

Большое внимание уделяется воспитанию подрастающей рабочей смены. В печати широко рассказывалось об опыте ленинградцев, который убедительно свидетельствует, что может дать система профтехобразования. Там рабочие коллективы в основном пополняются за счет воспитанников ПТУ. Почти все они с первых месяцев самостоятельной работы выполняют сменные задания и, как правило, хорошо приживаются в трудовых коллективах. Возросла тяга молодежи в училища.

Как достигнуть таких результатов? Как сделать рабочий коллектив стабильным, чтобы он постоянно пополнялся молодыми квалифицированными рабочими? Сама жизнь заставляет задуматься об этом. Ведь уходит с комбината уже по возрасту старшее поколение металлургов, у которых и опыт огромный, и обостренно развито чувство ответственности, добросовестного отношения к труду. А молодые что-то неохотно идут на смену, хотя и заработок у нас высокий, и условия труда гораздо лучше, чем были, скажем, двадцать или тридцать лет назад. Где-то мы (я имею в виду старшее поколение) дали промах.

Однажды мне довелось быть свидетелем такого разговора.

— Учись хорошо, а то не попадешь в институт, пойдешь в ПТУ, — наставляла мать сына-десятиклассника.

— ПТУ так ПТУ! Чего здесь плохого? — ответил тот.

— Так ведь потом — комбинат. А там грязно и трудно…

Когда я читал «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», признаюсь, испытывал чувство большого волнения. Я вижу в них выражение многих, очень многих дум — и своих собственных, и наших общих, родительских. Особенно мне близок по духу раздел о трудовом воспитании.

> «Как бы ни сложилась дальнейшая судьба выпускников школы, трудовая закалка потребуется им в любой сфере деятельности. Важно, чтобы это было хорошо усвоено учащимися, глубоко воспринято учителями, родителями, всей общественностью», — говорится в этом документе.

Реформой предусмотрено, чтобы уже в неполной средней школе учащиеся получали более основательную общетрудовую подготовку, приобретали знания и практические умения обработки металла, дерева, знакомились с основами

электротехники, металловедения, графической грамоты, получали представление о главных отраслях народного хозяйства.

Хочу сказать, что немало делается для этого на нашем комбинате и в подшефных школах. Острая нехватка молодых квалифицированных рабочих заставила руководство, партийный комитет всерьез заняться этой проблемой. Была разработана комплексная программа трудового обучения, подготовки будущих кадров. Первой ласточкой в претворении этой программы стал учебно-производственный цех. Наши металлурги создали мастерские, поставили современное оборудование. Сейчас почти все старшеклассники района проходят здесь трудовое обучение. Около тысячи ребят и девчат учатся на электриков, токарей, фрезеровщиков, водителей, столяров и плотников, наладчиков радиоэлектронной аппаратуры. Учат их этим профессиям опытные мастера-наставники.

Во всех подшефных школах металлурги создали кабинеты по профориентации, построили новые мастерские, оборудовали кабинеты, лаборатории. Постоянно проводятся экскурсии школьников в музей комбината, передовые рабочие систематически выступают в базовых школах и ПТУ.

Партийный комитет комбината направил лучших сталеваров, доменщиков, прокатчиков и коксохимиков работать мастерами в наши профессионально-технические училища. К одним из первых с такой просьбой обратились к знатным металлургам Героям Социалистического Труда Ивану Никитовичу Панфиловскому и Ивану Ефимовичу Погорельцу. Нелегко было им принять решение, ведь на своих местах они добились и мастерства, и признания. А как сложится их судьба в училище, где для них все ново, неизвестно? Справятся ли, наконец, с должностью мастера-педагога, о которой знали лишь понаслышке?

После колебаний и сомнений решили попробовать. Если поручают воспитывать молодежь, готовить для своих же цехов опытных сталеваров и прокатчиков, то должны они оправдать доверие. Это — дело их чести. И вместе с другими Героями Социалистического Труда С. И. Гончаруком, Н. П. Мурахтиной, Ф. Ф. Верещагиным написали письмо в адрес XVIII съезда ВЛКСМ о том, что «готовы все силы отдать воспитанию профессиональных и нравственных качеств молодых строителей коммунизма».

Панфиловскому и Погорельцу не хватало знаний, не было опыта. Приходилось учиться самим, вникать в тонкости воспитательной работы, психологии подростков. Однажды Иван Никитович рассказал мне, как нелегко было ему на первых порах.

Семнадцать ребят занимались в его группе сталеваров. Семнадцать характеров: попробуй узнай, что каждый из себя представляет. Для начала Панфиловский переписал, кто когда родился. Первым именинником оказался Саша Каманцев — рослый крепкий парень, причинявший ему немало хлопот. «А что если?..» — мелькнуло тогда в голове. На следующее утро занятия по спецтехнологии начал необычно:

— Вот эту медаль, ребята, мне вручили в Магнитке во время интернациональной плавки дружбы, посвященной 50-летию Октября. Медаль особая — обладатель ее имеет право принять участие в юбилейной плавке, посвященной 100-летию Советской власти. Я дарю ее тебе, Саша! — И мастер направился к имениннику, который даже растерялся от неожиданности.

А через два года Панфиловский получил письмо от Саши, служившего в армии.

> «Спасибо, Иван Никитович, за Вашу веру в меня! — писал Каманцев. — Я понимаю, та медаль, которую Вы мне вручили, это Ваше доверие. На всю мою жизнь. Я должен оправдать его. Вот увидите, Иван Никитович, я это сделаю!»

А в 1982 году И. Н. Панфиловский вместе с лучшими наставниками молодежи страны вручил в Кремлевском дворце съездов вымпел имени прославленного сталевара-стахановца Макара Мазая выпускнику ПТУ, рабочему пареньку-металлургу, делегату XIX съезда ВЛКСМ.

Трудится в СГПТУ-37 (ныне директором здесь И. Н. Панфиловский) муж моей сестры Фаины Иван Никитич Чернов. Он пришел сюда из второго обжимного цеха, уже будучи на пенсии, по просьбе руководства предприятия. По душе ему эта беспокойная нелегкая работа. Хорошим мастером и педагогом показал и он себя.

На комбинате родилось ценное содружество: школьный класс — группа ПТУ — рабочая бригада. Вот всего один пример этого начинания.

Немало интересных, добрых дел проводят старшеклассники средней школы № 92, учащиеся ПТУ-37 — воспитанники Героя Социалистического Труда И. Н. Панфиловского и сталевары комсомольско-молодежной бригады лауреата премии Ленинского комсомола депутата Верховного Совета страны В. Ф. Гребнева. Вместе работают во время коммунистических субботников и воскресников, участвуют в плавках дружбы, в военной игре «Зарница», ходят в театры и кино, выпускают устные журналы «Мы — завтра рабочего класса, надежная смена его!»

Дружба, которая родилась у школьников, учащихся ПТУ и молодых сталеваров, не формальная, она крепнет и развивается. Их примеру последовали группы И. Е. Погорельца, И. Н. Чернова и других мастеров.

Ежегодно более трехсот выпускников Металлургического района поступают в наши училища и металлургический техникум. Почти каждый третий выпускник подшефных школ становится металлургом. Вот они — конкретные результаты нашего творческого содружества!

На ВДНХ в павильоне «Народное образование» я видел материалы, которые раскрывали опыт содружества наших подшефных школ, училищ и комбината, накопленный за последние годы. Представленные экспонаты — слайдовый фильм, альбом, турникет, методические разработки — рассказывали о той высокой работе, которую проводим мы по воспитанию рабочей смены.

В Основных направлениях школьной реформы есть слова о необходимости поднять ответственность семьи за воспитание подрастающего поколения в духе уважения и любви к труду. И о том, что родители своим отношением к труду и общественным обязанностям должны показывать пример детям. Вот я и думаю, что долг семьи — энергичнее прививать ребятам вкус к рабочей профессии, любовь к комбинату, на котором трудятся их отцы и матери. Тогда трудовых династий на комбинате будут тысячи.

Строить новый мир — это значит неустанно заботиться о формировании человека нового мира.

«Мы землю строим и человека», — писал поэт Александр Безыменский. Прекрасные слова! Сегодня мы строим человека нового мира, свою красоту он приобретает в созидательном творческом труде.

Признаюсь, очень нравится мне популярная песня о металлургах:

Прекрасен лес и поле, и цветы,
Песчаный плес и лодка у причала.
Но в мире нет прекрасней красоты,
Чем красота горячего металла.

Да, это так! Когда по рольгангу блюминга неторопливо скользят раскаленные добела слитки металла — это захватывающее зрелище. Отсвет слитков озаряет лица прокатчиков. Как красивы они в эти мгновения! Как хотелось бы, чтобы почувствовали это те, кто идет нам на смену!

Еще в юности я слышал: каждый живущий на земле должен

построить дом, вырастить дерево. А у нас мастера говорят: и воспитать ученика! Это верно. За полвека работы у меня их было немало. Многие из них сейчас отличные прокатчики, руководят сложным современным производством. Люди эти настоящие, сильные волей и духом. Несмотря на то, что работать у огня и раскаленного металла довольно трудно, они буквально увлечены своим делом. Расскажу о самых близких моих товарищах, тем более судьбы у них довольно интересные.

Вот уже более тридцати лет трудятся на комбинате братья Хмаровы — Дмитрий, Василий и Анатолий. Были Дмитрий с Василием каменщиками, делали огнеупорную кладку в нагревательных колодцах, а затем освоили более сложную и ответственную специальность — нагревальщика металла. Тогда я и познакомился с ними, в ту пору мне довелось быть на участке мастером. Должен сказать, приглянулись они мне: трудолюбивые, работали на совесть, добрые, отзывчивые. Работать с ними одно удовольствие. Вскоре они стали старшими нагревальщиками.

Когда мне поручили возглавить участок нагревательных колодцев в третьем обжимном, я предложил им перейти туда вместе со мной. Согласились охотно. Отправились на стажировку в Волгоград, на «Красный Октябрь». Вернулись — и сразу за дело. С той поры мы вместе. Вся их жизнь, можно сказать, на моих глазах.

Оба брата закончили школу мастеров, а потом Дмитрий поступил в металлургический техникум. Окончив его без отрыва от производства, стал мастером, моим первым помощником. Когда я уходил в отпуск или уезжал в командировки, оставлял его за себя. Он всегда справлялся со своими обязанностями отменно. Оба брата отмечены правительственными наградами: Дмитрий — орденом Трудовой Славы 3-й степени, Василий — медалью «За трудовое отличие». Их брат Анатолий трудится бригадиром нагревальщиков термических печей.

Вот так устроили свою судьбу братья Хмаровы. Все трое стали настоящими металлургами. Здесь, на комбинате, они нашли свое истинное призвание. На всю жизнь.

Один из первых моих воспитанников Анатолий Григорьевич Попович вот уже многие годы трудится старшим нагревальщиком металла. После окончания училища был направлен он в цех ремонта металлургических печей. Служил в армии, переписывался с А. Москачевым, который в то время уже был прокатчиком. В одном из писем Москачев писал другу:

«Тезка! Как только отслужишь, возвращайся в Челябинск. У нас только что пустили новый блюминг,

самый крупный в мире. Сейчас я работаю на нем. Кругом все — молодые. Тебе здесь понравится».

Так Анатолий оказался в моей бригаде. Начал, как говорится, с «азов» — с подручного нагревальщика, а теперь уже старший.

Это очень большая ответственность — быть старшим нагревальщиком! В его бригаде более двадцати человек: двенадцать нагревальщиков, четверо подручных, десять машинистов клещевых кранов. В течение всей смены работа каждого из них постоянно под контролем у старшего. Он, словно дирижер, руководит всем этим оркестром. Оттого, насколько тонко чувствует он каждый отдельный инструмент и насколько умело дирижирует ими, зависит игра всего оркестра.

Порой металл одновременно греется в нескольких десятках колодцев: в одних — обычная конверторная сталь, в других — трансформаторная, в третьих — из мартеновских и электросталеплавильных цехов. Для каждой марки и сплава требуется свой режим нагрева. Анатолий Григорьевич блестяще справляется со своими обязанностями. Любо смотреть, когда он трудится: весь внимание, кажется, каждый его мускул, каждый нерв напряжены.

Работая в нашем цехе, Попович закончил вечернюю школу и школу мастеров. Его старшая дочь Лена, еще школьницей, нередко бывала у нас на участке. Еще тогда очень нравилась ей отцовская профессия, и сейчас девушка учится в металлургическом техникуме на прокатчика.

Сменным мастером на нашем участке работает Александр Хаванов. Он молод, энергичен и в то же время, пожалуй, один из опытнейших мастеров. Его бригада — передовая в цехе.

Отслужив в армии, он вернулся на свой же завод. В отделе кадров предложили пойти в третий обжимной: цех новый, самый крупный в ту пору. Пошел нагревальщиком на наш участок. Вскоре сдал экзамены в металлургический техникум, учился на вечернем отделении по специальности прокатчика. Трудновато было, но выдержал. Сдавал госэкзамены. Председателем комиссии был начальник нашего цеха Иван Кондратьевич Линд. Ему понравилось, как вдумчиво и толково отвечал на вопросы молодой металлург. И предложил ему должность мастера.

— Лучше мастера не найти, — сказал я Линду, когда он спросил мое мнение. — Только молодой слишком.

— Молодость — это не порок, а достоинство, — сказал Иван Кондратьевич. — Хаванов в нашем возрасте еще будет, а мы с вами, Иван Александрович, в его годы уже никогда не вернемся. Честно признаться, завидую я молодежи. Вот сбросить бы лет

десяток-другой, мы еще столько бы дел с вами сотворили!

И улыбнулся как-то приветливо, дружелюбно, как мог улыбаться только он.

Недавно получил я письмо от одного из своих воспитанников — В. Зубовского.

> «Иван Александрович, скажу откровенно: хотя работа подручного нагревальщика не из легких, однако в моей жизни два года подручным оставили яркий и благодатный след, — пишет Володя. — Конечно, заслуга в этом и нашего рабочего коллектива, но главная, первостепенная и окончательная, — Ваша. Да, дорогой Иван Александрович, это святая правда. Я знаю, что значит работать с людьми и какое значение здесь имеет талант в данной профессии. Уметь работать еще не все. Нужно быть, как говорят, «талантливым от бога». А природа Вас в этом буквально наградила…»

Читал я эти по-сыновьи теплые, искренние строки и думал: значит, нужны мы, наставники, нашей молодежи, очень нужны! В этом я вижу смысл своей жизни».

Один из самых последних моих воспитанников — Игорь Геннадьевич Топорищев. Он появился в цехе несколько лет назад после окончания Уральского политехнического института.

— Свободной инженерной должности у нас пока нет, — сказал я ему.

— Вот и хорошо, — как мне показалось, он даже обрадовался. — Начнем постигать металлургию с азов.

И парень стал работать на моем участке сварщиком. Он мне сразу чем-то понравился: то ли застенчивостью своей, то ли целеустремленностью. Потом его поставили мастером. Хороший помощник вырос.

Игоря призвали в армию. Служил он в Афганистане. Письма от него приходили редко, в одном из них сообщил: выполняет интернациональный долг.

Вернувшись на свое родное предприятие, Игорь Геннадьевич вскоре стал начальником нашего участка. Забот прибавилось. Я знаю, что живет он далеко, до цеха час езды. А на участке появляется каждое утро в семь часов. Все осмотрит, проверит, и на сменно-встречном собрании он в курсе всех дел. Деловитость — главное в его работе.

Когда наш блюминг и непрерывно-заготовочный стан остановился на капитальный ремонт, пять суток дали в наше распоряжение. Дополнительно около семисот человек из треста «Уралдомнаремонт» приняли участие в этой работе. Счет шел

каждой минуте. Всем заказам, связанным с нашим цехом, дали «зеленый свет».

В такой ситуации можно по неопытности и дров наломать. Несмотря на огромную ответственность, которую принял на себя Игорь Геннадьевич, он был спокоен, уравновешен, все распоряжения и команды давал продуманно. «Молодчина, — отметил я. — Из этого парня получится толковый руководитель».

Капитальный ремонт своего участка мы завершили за четыре дня. Сэкономили целые сутки. Сколько металла нагрели за это время! Это была победа, и прежде всего нашего руководителя И. Г. Топорищева.

— Спасибо, мужики, за такую работу! — только и сказал Игорь Геннадьевич, он еле стоял на ногах.

А утром следующего дня — ровно в семь! — он уже деловито вышагивал по участку. Как будто и не было огромного напряжения накануне. Вот каким стал бывший сварщик нашей бригады! Таким воспитанником можно гордиться.

В декабре 1984 года я и мои товарищи торжественно отметили 20-летие нашего цеха. Это были годы напряженной работы. За это время изрядно износилось наше оборудование. Два десятилетия назад оно было последним словом техники — самым мощным, самым современным. И вот уже устарело.

Зимой 1985 года было решено провести коренную реконструкцию блюминга и непрерывно-заготовочного стана. Почти полгода ушло на подготовку к этой ответственной операции. Были созданы штаб реконструкции, совет секретарей парторганизаций, участвующих в ней.

К коренной реконструкции у нас готовились все — от начальника цеха до рядового рабочего. Все понимали свою особую ответственность. Министерство черной металлургии. СССР разрешило остановить наш цех на 15 суток. За это время мы должны полностью демонтировать все устаревшее оборудование — рабочие клети блюминга и НЗС, центральный пост управления, верхний и нижний прокатные двигатели. Предстояла очень плотная, напряженная работа.

Перед началом реконструкции в цехе состоялось партийное собрание. Мы, коммунисты, понимали, каждые «выигранные» сутки в пуске обновленного блюминга и непрерывно-заготовочного стана дадут стране 14—15 тысяч тонн сортового проката дополнительно. И мы решили вместо 15 суток провести реконструкцию за 10. А ведь это — десятки тысяч тонн сверхпланового проката. Таков наш подарок Отчизне к XXVII съезду партии. Такого в истории отечественной металлургии еще не было! На помощь нам пришли рабочие и инженеры цеха

ремонта прокатного оборудования, шахтостроители, ремонтники и монтажники из различных стройуправлений города. Три с половиной тысячи человек приняло участие в нашей реконструкции. Целая армия специалистов!

После короткого митинга дружно взялись за дело. В первые же часы убрали рабочие клети. Для того, чтобы быстрее разобрать старый фундамент, взрывники проделали два взрыва. К сожалению, не все удалось предусмотреть: разрушительная сила взрывов оказалась значительно, больше, чем предполагалось, и появилась дополнительная работа для ремонтников. И все же из графика не выбились.

Результаты работы в первую же ночь превзошли ожидания. В штабе были уверены в четкой и слаженной работе прокатчиков-ремонтников, и все-таки никак не ожидали, что они так стремительно вырвутся вперед — на 6 часов опередят график демонтажа. Высокий класс показали и специалисты шестого шахтостроительного управления, они тоже перевыполнили задание по разборке и удалению старых фундаментов.

То и дело в штаб поступали сообщения: «С опережением графика демонтирован верхний прокатный двигатель», «Досрочно убраны клети на НЗС», «Раньше графика демонтирован нижний прокатный двигатель». На стол начальника реконструкции, словно боевые донесения, ложились сводки строительных работ.

Между коллективами сразу же разгорелось дружное соревнование. К концу первых суток прокатчики-ремонтники рапортовали о досрочном выполнении обязательств по демонтажу центральной части блюминга, а шахтостроители за это время опередили свою программу на целые сутки.

Напряженная работа кипела и на нашем участке. За дни реконструкции здесь решили заменить фронтальные фундаменты нагревательных колодцев, все горячие пути, металлические кожухи на некоторых колодцах, капитально отремонтировать клещевые краны.

Разобрана кладка колодцев. Кругом бетон, огнеупорный кирпич. Натруженно ревет бульдозер. Начальник участка И. Г. Топорищев и старший мастер А. Д. Хаванов, возглавившие работы по реконструкции, с раннего утра и до позднего вечера пропадают на колодцах. Снова здесь горячая обстановка, как во время аврала осенью восемьдесят второго. И снова люди делают все, на что они способны. К началу вторых суток реконструкции мои товарищи завоевали переходящий вымпел.

Иду по участку, а на душе волнение. Точно такое же, как двадцать с лишним лет назад, когда мы пускали блюминг. Кажется, еще вчера мы строили его. Волновались, переживали,

радовались, как дети. И вот все повторяется, но уже на новом, более высоком этапе.

Наш блюминг и НЗС, по существу, переживают второе рождение. После реконструкции первой очереди цеха, проведенной в рекордно короткие сроки — на 6 (!) суток раньше намеченного графика, наш третий обжимной стал давать стране на 85 тысяч тонн сортового проката больше, чем прежде. Вот они, конкретные результаты технического обновления нашего цеха! Вот они, зримые черты ускорения научно-технического прогресса на нашем предприятии!..

Вспоминаю всех, кому за полвека работы в металлургии подарил частицу своей души, знаний, опыта. Приятно сознавать, что не без твоей помощи выросла надежная смена. Значит, годы, которые я трудился здесь, прожиты не зря.

Я уже говорил о своей заветной папке, где хранятся дорогие мне документы. Среди них берегу я и болгарские газеты «Работническо дело», «Отечествен фронт». Мне их подарили болгарские друзья. В каждой из них фотоснимки и рассказ о нашей помощи в строительстве металлургического комбината в Кремиковцах.

Целых четыре года был я в Болгарии — начальником прокатного передела комбината, участвовал в монтаже, пуске и освоении нескольких станов, помогал налаживать технологию их работы. На стане «1700» при сооружении печей трудился вместе со строителями и монтажниками, устанавливал автоматику. А сколько внедрили технических новшеств! Одно из них — новые мазутные горелки на блюминге. Прокатчики за них очень благодарны.

На блюминге «1180» проводили первый капитальный ремонт нагревательных колодцев. Срок — ровно месяц. Мы совершили, казалось бы, невозможное: отремонтировали колодцы за пятнадцать суток! Вдвое быстрее.

Кругом было столько неотложных дел, столько нового! Должен признаться, не очень люблю, когда все давным-давно отутюжено-отглажено, когда могут обойтись без меня. Мне больше по душе, когда стройка только разворачивается, когда дел невпроворот.

Правительство Болгарии наградило нас, советских специалистов. Вручая «Народный орден труда», Председатель Президиума Народного собрания Георгий Трайков сказал, обращаясь ко мне:

— Так вы кавалер ордена Ленина! Это самая высокая награда в вашей стране. Мне тоже вручен этот орден, и я очень горжусь. Теперь носите и наш, болгарский. Это за трудовые заслуги перед

нашей страной и в знак нерушимой дружбы болгарского и советского народов.

Тогда же были отмечены правительственными наградами Болгарии мои товарищи нагревальщики С. И. Бондарук и вальцовщик Ф. В. Лушников.

Находясь в Болгарии, я не порывал связи со своим заводом и цехом, интересовался, как идут дела на блюминге. И мои товарищи подробно писали, даже спрашивали совета по тем или иным техническим проблемам.

Вспоминается такой случай. Наши нагревательные колодцы обычно заправляли коксиком, это дорого и хлопотно. Кто-то из прокатчиков предложил добавлять в смесь доломит, сделать его основным для заправки ячеек. Возникли сомнения, и товарищи спрашивали: как быть? Я подумал, взвесил все хорошенько и ответил в цех: «Попробуйте использовать новую смесь. По-моему, должно получиться». Потом рассказывали мне: письмо положило конец затянувшимся спорам. Новую смесь стали широко применять для заправки колодцев, и она дала гораздо лучшие результаты, чем ожидали.

В Болгарии у меня появились новые друзья. Мы очень подружились с Гено Геновым, Атанасом Марковым, Цанко Цоловым, Лазарем Минтовым и многими другими. Это — хорошие специалисты, замечательные люди.

Пролетело более десяти лет, как мы расстались с болгарскими другарями. Пишем друг другу, делимся новостями, поздравляем с праздниками. Секретарь партийной организации обжимного цеха Стоян Ботев прислал мне письмо. Вот его искренне теплые строки:

> «Мы с особой благодарностью вспоминаем Вас, Иван Александрович, за большую бескорыстную помощь, которую Вы оказали нам в освоении производственных мощностей, в овладении техническим прогрессом, и за передачу передового советского опыта работы. Время Вашего пребывания оставило в нашей памяти незабываемые впечатления. Это были дни сердечного и товарищеского отношения, бескорыстной помощи и дружбы, за которую горячо благодарим.
>
> В связи с 15-летием со дня пуска стана сердечно поздравляем Вас и желаем Вам и Вашим близким крепкого здоровья, счастья и успехов в труде…»

…Несколько лет назад мне довелось встретиться с писательницей Натальей Петровной Кончаловской. Пришла она в наш цех, посмотрела, как работает блюминг.

— Ваш завод как сказочный огненный город! И люди в нем — истинные кудесники! — заметила она с восторгом.

А потом принялась расспрашивать о нашем цехе и предприятии, интересовалась всем, до мельчайших подробностей. Я рассказал, что площадь одного нашего цеха 560 тысяч квадратных метров. В сутки он потребляет 560 киловатт-часов электроэнергии. Этой энергии вполне хватило бы осветить 100 тысяч коммунальных квартир. А если пройти весь комбинат в длину, то это более десяти километров, в ширину — шесть или семь. Одних железнодорожных путей около 500 километров — их можно вытянуть почти по всему Уральскому хребту…

Наталья Петровна сказала, что ее особенно интересуют рабочие династии Урала. Потому она и разыскала меня. Я предложил ей самой познакомиться с нашей семьей.

— Это важнейшая вещь — преемственность в труде, — сказала она после встречи с моими детьми. — Наверное, тут и отношение детей к отцам другое. Кроме сыновней, есть более сильная привязанность к отцу, как к старшему мастеру, учителю и другу, когда мастерство, как эстафета, передается из рук в руки. Здесь уже иная дисциплина, здесь честь и традиции семьи. Именно труд в этих семьях воспитывает чувство долга по отношению к старшим. Труд закрепляет моральные устои…

Что ж, все это правильно подметила писательница.

Вернувшись в Москву, Н. П. Кончаловская прислала мне в память о встрече свою книгу «Дар бесценный» — про своего знаменитого деда — русского живописца В. И. Сурикова.

> «Дорогой Иван Александрович! — писала она мне. — Спасибо Вам за прекрасное письмо и за поправки (речь идет о моих замечаниях к очерку о нашей династии). Посылаю Вам книгу о деде моем. Как только выйдет повесть о Магнитке и Челябинске, так я пришлю, поскольку Вы мой герой! Спасибо за «ковшичек» (это наш заводской сувенир), он великолепен!»

Хотя с той поры прошло уже более десяти лет, но для меня и сейчас близко и дорого это письмо.

И как реликвию, берегу еще один подарок Натальи Петровны — пластинку с записью ее поэмы «Хатынская поляна». Это волнующее произведение она написала после того, как посетила знаменитый Хатынский мемориал. Это место известно во всем мире. Гитлеровцы совершили здесь одно из самых чудовищных преступлений. Они истребили буквально всех жителей белорусского села Хатынь. Хатынь стала символом трагедии и подвига мужественного белорусского народа.

С волнением слушаю я строки. Они взывают к памяти, к действию:

Люди, внимайте! Слушайте, граждане…
…Слезы теперь не нужны.
Вы разожгите от вечного факела
Гнев против новой войны.

Я сам бывший фронтовик, пережил многие ужасы и лишения военной поры. И вместе со всем советским народом разделяю страстное желание и мечту, чтобы человечество всегда жило в мире.

Позднее Н. П. Кончаловская прислала мне книгу «Магнитное притяжение». В ней есть рассказ о нашей встрече:

> «Мы выходим из туннеля к клети стана и попадаем в такой адский грохот, что здесь уже не побеседуешь. Гигантские раскаленные слитки плывут по стану длиной в два с лишним километра. Дорогой они раскраиваются ножницами на куски нужной длины, и фонтаны воды с шипением опрокидываются на них, превращаясь в столбы пара. Пламя, умирающее под струями воды, само убивает эту воду. И, взаимно друг друга уничтожая, они закаляют стальные слитки. А слитки плывут беспрерывно, и беспрерывно подаются платформы, куда раскаленная обрезь металла погружается для сталеплавильных цехов, и беспрерывно в литейных цехах изложницы наполняются из гигантских ковшей, и беспрерывно огненная струя течет в эти ковши… Нельзя прервать ни на минуту этот процесс, как нельзя прервать биение человеческого сердца…»

Как это верно сказано! Велика ответственность рабочего-металлурга. И его рабочая честь — это не только дисциплина, мастерство, товарищество, но и постоянная устремленность к любому благородному делу.

В 1977 году, к 60-летию Великого Октября, книжные издательства, Южно-Уральское, Средне-Уральское и Пермское, выпустили превосходную книгу «Урал в век Ленина». Она о нашем современнике, о советском образе жизни. Есть там и рассказ о нашей династии. Автор его А. Д. Будылин. Готовя материал, он встретился со мной и моей женой. Приведу фрагмент из нашей беседы:

«— Иван Александрович, мне хотелось бы поговорить с вами о ваших повседневных делах, об условиях и уровне жизни… Если взять последнее десятилетие, то в нашей стране произошли коренные перемены в жизненном уровне населения. Например, число семей, где доход составляет сто и более рублей в месяц на одного члена семьи, выросло в 8,5 раза. А как сказалось это повышение уровня жизни на вашей семье?

— Я хочу сразу заметить, что мы, металлурги, заработную плату получаем довольно высокую. Уже в начале 70-х годов на одного члена нашей семьи приходилось 150 рублей. Меры, принятые государством по повышению благосостояния народа… коснулись и нас. За это время наша младшая дочь закончила техникум, стала получать приличную зарплату. Анатолий и Юра тоже получать стали побольше. И сейчас на одного члена семьи, учитывая, что жена не работает, домохозяйка, приходится 190 рублей.

— Часть доходов семьи формируется из общественных фондов потребления.

— Да. С учетом расходов государства на выплаты и льготы, которые мы получаем из общественного фонда потребления, нужно к заработной плате прибавить еще 160 рублей на одного члена семьи… Каждый год, идя в отпуск, мы получаем путевки в санаторий или дом отдыха и платим лишь 30 % их стоимости. В прошлом году я получил бесплатную туристическую путевку.

— Теперь вопрос к вам, Галина Агаповна, расскажите о быте, о жилищных условиях вашей семьи.

— Когда мы приехали в Челябинск во время войны, нам дали комнату в бараке 12 квадратных метров… Сами понимаете, какие у нас были условия.

В 1946 году нам предложили купить собственный домик. Государство выдало ссуду, которую нужно было погасить в течение пятнадцати лет. Мы согласились, и дом был построен.

Постепенно в доме все меньше народу оставалось: брат и сестры Вани получили жилье. Женился старший сын, дочка вышла замуж. Теперь все живут отдельно, каждая семья имеет отдельную квартиру.

— Советскому образу жизни присущ не только высокий рост доходов населения, но и обеспеченность товарами широкого потребления и предметами длительного пользования. Какие изменения у вас в семье

произошли за это пятилетие, что вы приобрели?

— На этот вопрос легко ответить. Крупные покупки мы начали в основном делать именно в последнем пятилетии. Мы купили автомобиль «Москвич». Купили новый телевизор, холодильник. Нам удалось обновить в значительной степени мебель.

— Галина Агаповна, сколько ваша семья тратит на коммунальные услуги и содержание дома?

— Дом наш собственный, ссуду мы давно уже погасили. Платим за газ, воду, отопление, электроэнергию и телефон. В месяц выходит рублей тринадцать.

— Иван Александрович, как вы проводите свободное время, что читаете, какие газеты и журналы выписываете, как часто посещаете кино и театры?

— Очень люблю в свободное время читать. Книги — мои близкие друзья. Мы выписываем 6 газет и 7 журналов. Моя жена тоже любит читать. В театр мы ходим, честно говоря, не часто. В кино — тоже. Хотя на хорошую постановку и картину идем с удовольствием. Телевизор смотрим почти каждый день. Очень любим смотреть художественные фильмы, концерты…»

Да простит меня читатель за такой большой цитируемый отрывок. Я привел его здесь, чтобы наглядно показать новые, еще не раскрытые грани жизни нашей рабочей семьи. Должен сказать, что за последние годы у нас произошло немало отрадных перемен. Анатолий и Люба получили хорошие благоустроенные квартиры. В 1983 году нам с Галиной Агаповной дали путевку в дом отдыха «Еловое», а в 1984 и 1985 годах путешествовал я по Енисею и Волге. Мне назначили персональную пенсию республиканского значения. Сколько дополнительных льгот теперь у нас! Эти условия, в которых живет моя семья, возможны только в социалистическом обществе.

А вот еще одна памятная мне книга — «Детям Волгограда». С дарственной надписью:

«Земляку-волжанину Ивану Александровичу Полегаеву — с сердечным, низким поклоном с родной земли. На память о нашем бессмертном городе. Маргарита Агашина».

Мне вручили ее во время передачи, подготовленной Челябинской студией телевидения о нашей династии. С волнением прочел я эту книгу, ведь она о городе моей рабочей

юности.

Живу я сейчас на шоссе Металлургов. После войны, когда стали с женой строить дом, здесь стоял сплошной березняк. В память о нем и той белоствольной подмосковной березе, под которой я был тяжело контужен (может быть, она-то и спасла меня!), мы и оставили тут одну березку.

В соседнем саду, что справа от нас, тоже растет береза. Ее, как и мы, оставили в сорок шестом Полетаевы, наши земляки-волжане. Иван Иванович немало лет отдал Челябинскому металлургическому комбинату, был начальником службы разгрузки управления железнодорожного транспорта. Его сын, дочери и внуки также пошли на металлургический, крепко, как уральская береза, пустили корни. Династия Полетаевых — одна из самых крупных на комбинате. Не случайно нам с Иваном Ивановичем доверяют вносить знамена на заводских слетах наставников и вечерах рабочих династий.

Живем мы с Полетаевыми по соседству, а отношения — ближе, чем просто соседские. Во время войны последней картошкой, последней горбушкой хлеба делились.

Вот и шумят наши березки уже четыре десятка лет, отсчитывая своими колечками годы. Радуют по весне, когда набухшие темно-коричневые почки готовы вот-вот взорваться от земной неиссякаемой силы. Радуют и золотой щедрой осенью, когда в тонкий аромат яблок вплетается терпкий запах спелой березовой листвы.

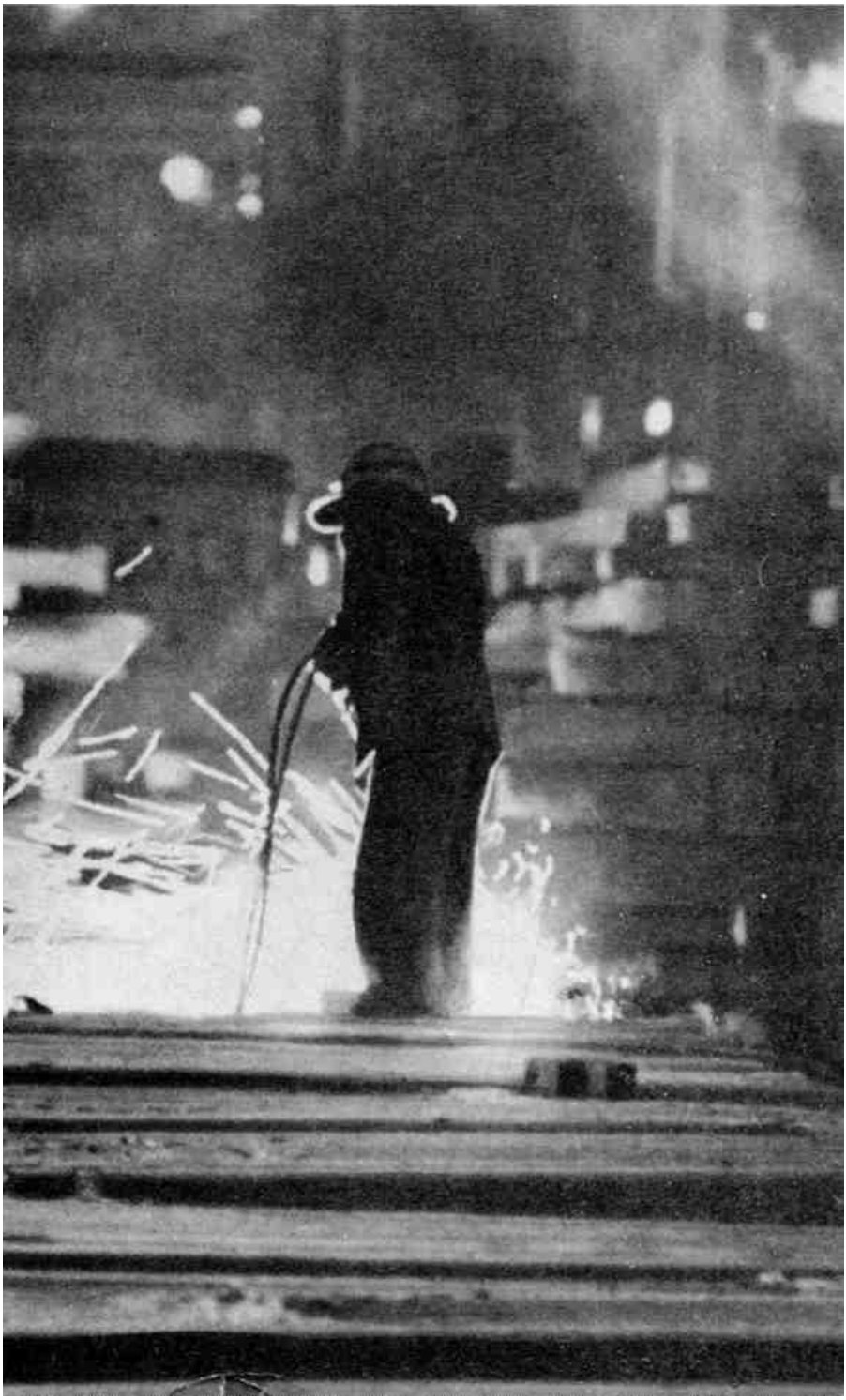
Березы эти, как и сады, останутся нашим детям, внукам и правнукам. Тоже добрый след на земле, как и многое из того, что мы сделали в жизни.

Вот рассказал я о том, что мы испытали, пережили, о самом наболевшем. И вспомнились знакомые строки стихов Людмилы Татьяничевой:

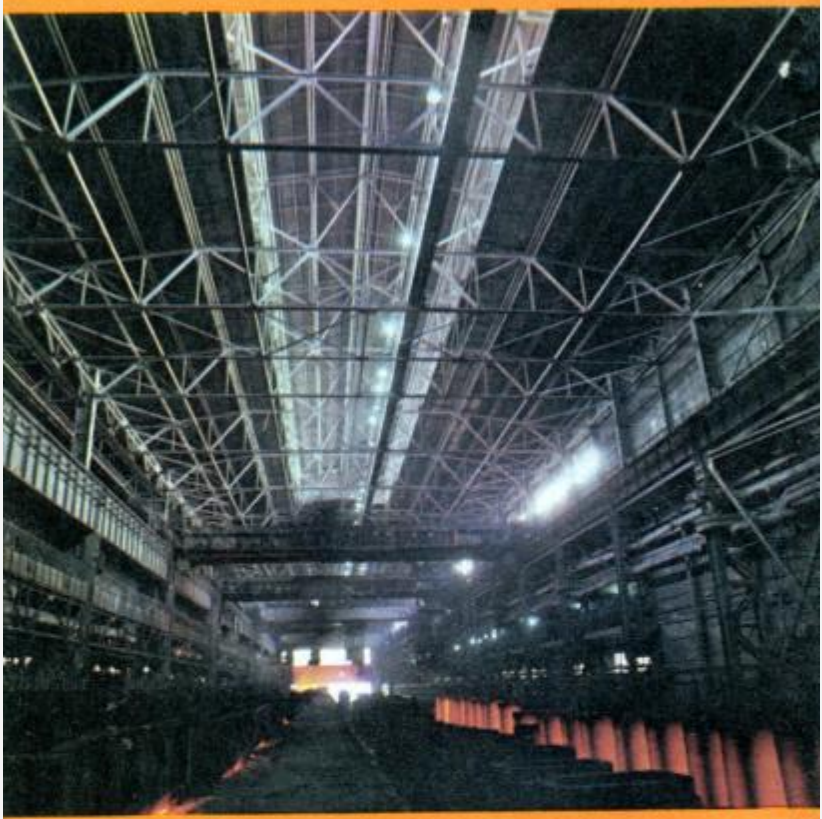
…Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте.
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавят металл.
…Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

Думается, стихи эти поэтесса написала о таких же простых и в то же время удивительных людях, как Семен Илларионович Леонтьев, Дмитрий Иванович Глазунов, Сергей Андреевич Новик,

Петр Александрович Сатанин, Владимир Федорович Гребнев. Как мой брат Константин и мои сестры Раиса, Мария, Фаина, Антонина, Людмила. Ведь они и есть наш огненный рабочий Урал! Наша Россия!



10 к.



ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985